

84(2=411.2)6

138

Лёгкое перо 2017

Сборник лучших
произведений
молодых
авторов

**КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА**

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач.

--

84(2:411 2)6
Л38

ТЮМЕНСКАЯ ОБЛАСТНАЯ ДУМА
Департамент культуры администрации города Тюмени
Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА
РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ЛЁГКОЕ ПЕРО – 2017

сборник лучших произведений
молодых авторов

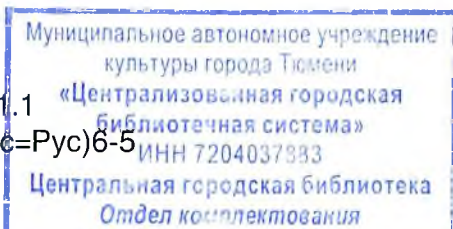
166652/4

Тюмень
2017

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Л 38

Л 38 **Лёгкое перо–2017: сборник лучших произведений молодых авторов** / редактор-составитель Л.К. Иванов. – Тюмень : ОАО «Тюменский дом печати», 2017. – 144 с.

Организаторы конкурса выражают особую благодарность заместителю председателя Тюменской областной Думы, члену фракции Справедливая Россия, члену комитета по государственному строительству и местному самоуправлению Владимиру Юрьевичу Пискайкину за неоценимую поддержку в организации и проведении III Областного (открытого) конкурса молодых авторов на лучшее литературное произведение «Легкое перо».

В сборник «Лёгкое перо–2017» вошли лучшие произведения участников III Областного (открытого) конкурса молодых авторов на лучшее литературное произведение. Организаторами конкурса выступили Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени «Централизованная городская библиотечная система» и Тюменская региональная организация Союза писателей Российской Федерации при поддержке Тюменской областной Думы, Департамента культуры администрации города Тюмени.

В сборник вошли отрывки из повестей, рассказы, стихи и произведения, написанные для детей. Авторы объединяет не только молодость, но и неудержимое стремление творить. Хочется верить, что читатель найдет для себя что-то по-настоящему интересное и откроет новые имена.

В текстах сохранены авторские стилистические, синтаксические особенности и пунктуация.

ПРОЗА

Антон Комаров

Три капли

Раз, два, три... Раз, два, три... Светло-желтая жидкость медленно скапывала в колбу капельницы и по змеящейся трубке уходила в его тело. Власов отрешенно смотрел на капли, а в его голове тупо стучал какой-то, не подчиняющийся его воле и считающий капли счетчик: раз, два, три..., раз, два, три... Счет автоматически обрывался на третьей капле и начинался сначала: раз, два, три. Три капли. Всего три капли...

– Да, всего по три капли, – орал Димон, снова разливая водку по пластмассовым стаканчикам. – И закусон классный! Смотри: рыбка копченая, полкурицы еще!

– Времени уже много, – отбрыкивался Власов. – На завтра бы надо почитать еще конспект по философии. И потом, ты-то тут, в общаге, у себя останешься, а мне еще полчаса переться по морозу до моей съемной хаты.

– Ну и нормально! Сам говоришь, что мороз. Сейчас по три капли примем, на душе потеплеет, и никакой мороз не страшен!

– Димон, да мы уже почти два флакона усидели, хватит, уже под завяз.

– Нудный ты человек, Власов! Три капли погоды не сделают, они только в плюс.

– Ну, ладно, давай! Но только по три капли...

Прием «трех капель» закончился шумным походом по комнатам общаги в поисках нового флакона. Как они лопались в комнату к девчонкам на третьем этаже, и вахтерша вместе с двумя старшекурсниками выволакивали его на улицу, Власов помнил уже смутно.

Качаясь, в расстегнутой куртке, он шел по улице. Закуривая заметил, что руки его плохо слушаются и сообразил, что забыл перчатки в общаге.

– Ну и черт с ними, потом заберу, никуда не денутся. А Димон-то прав – на улице не так уж и холодно.

На пустой остановке Власов решил слегка отдохнуть и спокойно покурить:

– Вот сейчас перекурю и до хаты уже недалеко, – пробормотал он, плюхаясь на скамейку, занесенную снегом. Улица поехала влево, и Власов понял, что он заваливается набок.

– Вот блин, – ему вдруг стало очень весело, – третья-то капля лишней оказалась! Аж набок валит! Ну, ниче! Сейчас встану и дальше покандыбарю. И снег-то какой теплый – руки уже не мерзнут.

Раз, два, три... Раз, два, три... В голове тупо стучал счетчик. Власов оторвал взгляд от капельницы и медленно перевел его на кусок серого больничного одеяла, торчащего из боковой прорези плохо проглаженного пододеяльника, под которым лежали его руки с жутко ноющими кончиками пальцев, словно отходящими от мороза. Он пошевелил пальцами, и боль разлилась по рукам, поднимаясь до плеч.

Власов вытащил свои забинтованные руки с ампутированными кистями из-под одеяла и вспомнил, как это называется: «фантомные боли».

Во флаконе на штативе капельницы закончилась светло-желтая жидкость с режущим названием «гемодез», и последняя капля зависла в капельнице, словно не решаясь упасть.

– Третья капля последняя. Всего три капли... Каких-то три капли, – вертелось в голове Власова, а по щекам текли слезы, которые было нечем утереть.

Костяная нога

– Ну, парень, давай что ли, гипсоваться будем, – бодрым голосом сказала Светка лежащему на кушетке парню с бледным, подергивающимся то ли от боли, то ли от испуга лицом.

– И как же тебя угораздило? – сочувственно спросила сестра-практикантка Анечка, которая с видом жуткой озабоченности крутилась в гипсовой, больше мешая, чем помогая медсестре Светке, которой только что было поручено наложить гипсовую повязку на сломанную лодыжку молодому симпатичному пареньку лет 18-ти.

– Да вот, черт его знает, как получилось, – парень, морщась, задирает брючину джинсов на левой ноге. – Быстро шел, гололед и вот – бац и готово: рентген перелом показал!

– Ну, в общем, как в кино: шел, споткнулся, «упал, потерял сознание, очнулся – гипс!», – с улыбкой протараторила Анечка, без видимой необходимости, поддерживая его за спину.

Светлана между тем начала смоченными гипсовыми бинтами ловко бинтовать травмированную ногу, формируя гипсовый сапожок.

– Доктор сказал, наложить не лангету, а целиком сапожок. Через пару недель на повторный рентген, там, глядишь, и на лангету заменят – ногу помыть можно будет, а потом и совсем гипс снимут, – говорила она, разглаживая неровности гипса на ноге.

– Ой, а ты палочку себе клевою присмотри! Выйдешь на стрит, прихрамывая, – все девки ахнут! – Анечка старательно стряхивала засохший гипс с шикарных джинсов парня. – Да, а как ты пойдешь-то без костылей-то?

– Да у меня друг на машине. Я позвонил, вон он уже сидит в вестибюле. Так что допрыгаю до тачки как-нибудь. Слушай, будь другом позови его сюда, его Сашей зовут!

Когда Саша, поддерживая за талию скачущего на одной ноге товарища, вышел из гипсовой комнаты, Анечка, вздохнув, сказала: «Красивый парень! Надо было познакомиться, да я стеснительная такая – просто жуть! И потом я ведь на работе, да и ему не до этого, правда, Света? А так крутой парень: и фигура, и шмотки клёвые!»

– Да уж, – усмехнулась Светлана, – особенно джинсы фирменные, все в лейблах.

– Постой, постой, – вдруг всполошилась Анечка. – А как же он их снимет-то? Ведь они узкие очень, а закатаны чуть не под колено?

– Чёрт! И правда, надо было снять ему эту штанину. Был бы в одной брючине. И я с тобой заболталась, забыла ему сказать!

– Ты не забыла, а постеснялась, небось, красавчику штаны снять, – резонно заметила Анечка и спросила. – Ну, и как он теперь две недели?

– А никак, – вдруг тряхнула головой Светлана. – Ты сама сегодня говорила о кино «Бриллиантовая рука», помнишь? Так там, во второй части, она «Костяная нога» называется, Юрий Никулин тоже с ногой в гипсе и с засученной по колено штанине. Его еще на кране опускают и крюком ему по шее стучают, вспомнила?

– Ну, вспомнила, – нерешительно сказала Анечка. – Так то кино!

– А у нас не кино, что ли? Ты представь: вот приезжает он домой, заходит в свою крутую, поди, хату и...

– Ой, не могу! Ой, представила! А джинсы дорогие: как резать? – Анечка повалилась на кушетку, давясь от хохота.

– В общем, костяная нога получилась, – резюмировала Светка и пошла к двери. – Ну, кончай ржать. Пошли в приемник. Там, кажись, еще кого-то привезли...

Артем Тихомиров

Уран Земной

(глава из романа)

Смотри, как твёрдо строим города, мосты...
С отчаяньем цепляемся за данность,
Как будто нет грядущей пустоты –
Угрозы существу. Банальность
Выдаём за свой удел,
Судьбы напев считаем своей волей.
Кто посмотреть в глаза её посмел?
Кто примирился с неизбежной долей?
Бессмертье, вечность – лишь слова,
Они – ничто и ничего не значат.
И всё вернётся навсегда туда,
Откуда был наш путь когда-то начат.

Ему слышались противно знакомые голоса и смех. Еле различал их среди общего воя. Хор шаманов исполнял магическую песнь, затягивал «у-у-у», порой ускоряясь, порой резко сбрасывая темп. Затянулся носом, пытаюсь различить сладостные оттенки любимого дурмана. Слегка обожгло холодком. Не более. По телу вдруг пробежала волна раздражения. Попробовал унять его, сменив положение тела. Не вышло. Словно сковало плотным одеялом. По лицу росинкой пробежала капля, вновь вызывая приступ раздражения. Хотел стереть, но правая рука не слушалась, застряла в каких-то тисках. Голоса замолкали, их развеяло по ветру, семена раздора. Ресницы задрожали, предвзяря полное пробуждение. Глубоко задышал от волнения. Вокруг абсолютная темнота. Ограниченное пространство, тесно двигаться. Промелькнула мысль, что похоронен заживо. Шорохи собственного тела и приглушённый вой ветра вокруг. Дёрнулся, высвобождая руку, больно проскрёб лицом о снег. Снег... Ещё раз, и зашуршало, что-то треснуло, звук ветра резко стал громче. Рука освободилась, неуклю-

же прижалась к телу. Упёрся ногами, попробовал подняться. Стало чуть светлее. Сквозь порванный покров темноты пробилось подобие света. Ядовитого звёздного света. Ещё попытка...

Его оглушил яростный шум ветра. Снег сыпал в лицо, царапал кожу. Холод мгновенно пронзил насквозь. Он видел одним глазом, второй сильно заплыл, но смотреть всё равно было некуда. Везде крошечный мрак ночи. Звёзды еле проглядывались через пургу.

– Это какой-то сон... – твердил себе, не веря.

Чёрный свод неба и плоский белый слой снега расстились перед глазами. Идеальная горизонтальная линия разделяла две плоскости. Нейтральная полоса между двумя проявлениями одной стихии.

– Кто-нибудь? – вопрошал, еле слыша свой голос. – Кто-нибудь?

Холод затыкал рот, ветер пытался унижить, сбив на колени, тьма слепила здоровый глаз, обнуляя и без того бесполезное зрение. Сделал неуверенный шаг. Боль пробежала по правой половине тела, нога подкосилась. Повалился и уткнулся лицом в снег. Боль не особо чувствовалась на морозе, но он понял, что правая часть лица была разбита. Кровь скупно полилась из вновь треснувшей губы и тут же замёрзла. С болью пришло резкое понимание, где он. Самое обидное, что с губой разошлась по швам и последняя надежда, что это сон. Ветер издевательски хлестал по лицу до рези в глазах.

– Помогите.

Вертолёт отбивал ритм бешеного метронома. За окном ледяная гладь не двигалась с места. Статика. Игнорировала законы физики или водила за нос. Это был напрасный полёт.

Стужин завис рядом с пилотом, что-то показывая на карте. Тот изредка недовольно кивал ему. Морозов сидел у сдвижных дверей, с придурковатой полуулыбкой вертел в руках ружьё.

Антрополог, этнолог и этнограф. Святая троица пусто-звонья. Белов пытался уснуть. Сидел напротив Морозова и

часто открывал глаза с каждым громким шорохом, стуком, щелчком, которые тот издавал одеждой, ружьём и всем своим естеством.

– Они должны были быть где-то рядом, – всё сокрушался Стужин. – Мы же не могли их проглядеть?

– Найдём на следующем вылете, – без особого энтузиазма сухо заверил Морозов.

– Что у нас топлива, как снега? С воздуха не падает.

Морозов тиком поморщил лицо. Приоткрыл и тут же закрыл рот, словно откусил кусок витающего вокруг холода.

– У нас и сейчас топлива немного осталось, – подал голос пилот. – Возвращаться надо.

Стужин махнул рукой и с досадой сказал:

– Надо так надо, – затем повернулся и обвинительно посмотрел на своих помощников. – Вот же досталось мне в награду пополнение. Один отморозок (Морозов хмыкнул на этом слове), второй вообще... наркоман.

– Это в прошлом.

– Нет такого понятия – прошлое. Есть другое – история.

– И в чём же разница? – спросил Морозов.

– Иван Грозный, по-вашему, тоже в прошлом. Но это не значит, что его не было. А в истории – он царь. И мы, человечество образованное, к коему вы, обормоты, не относитесь, помним его, как Царя. Вот и ты, Белов, в истории будешь известен, для очень узкого круга, конечно, и очень надолго, как наркоман. Да и только.

– По-вашему, люди запоминаются чем-то одним? – расхлябано спросил Морозов.

– Это не по-моему, это по-людски. Гагарина кем помнят? Первым человеком, совершившим полёт в космос, бестолочи. А остальное знают уже те, кто изучал вопрос подробнее. Для общей массы людей, грубо говоря, он так и запомнился, если кто и помнит.

– Довольно справедливо, – кивнул Морозов.

– Ещё пример – Вторая мировая война. Там много моментов стоит помнить, а мир помнит лишь, что она была. И в ней победили. А ведь даже не знают, кто победил, какая

страна. Пройдут года, и люди вовсе это забудут. Современные события вытесняют старые. И те сужаются до размеров одного предложения, – качал седеющей головой Стужин, уже разговаривая больше с самим собой.

Белов слушал вполуха, его внимание было приковано к снежной пустыне. «Здесь не место людям. Они не должны здесь жить, – думал он. – Пусть оставят этот край таким. Белым. Чистым и незапятнанным нашими страстями. Должно же быть в мире место, где нет человека».

– Следующая станция «Червивая», – прогундосил Морозов и рассмеялся. Никто не поддержал веселья. Его это не смутило. Просмеявшись, ткнул ружьём Белова:

– Михан?

Тот вопросительно кивнул головой.

– А ты чем вообще занимался? Ну, до того, как занесло сюда.

Белов попал в тупик. Не знал, что ответить на этот простой вопрос. Да и что на него ответить? Основательно задумался и очень скоро к своему стыду понял, что ничем особым и не занимался. Единственным спасением из затянувшейся паузы был старый отцовский фотоаппарат.

– Ну, я фотографировать люблю.

Морозов скривился от нелогичного ответа на вопрос.

– В смысле, ты занимался фотографией?

Белов нервно облизал край рта. Побегал глазами по лицам коллег.

– Нет, не занимался.

– А чем тогда? – не унимался Морозов.

Белов грустно уставился в одну точку.

– Ничем, – помотал он головой, продолжая безжизненно смотреть в пустоту. – Ничем я особо не занимался.

Стужин, крикнув, махнул рукой в сторону Белова и недовольно покачал бородатой головой. Борода серая, но не седая.

– А я слышал, ты спортом каким-то занимался. Это правда? – Морозов не замечал или не хотел замечать нежелание Белова участвовать в биографическом опросе.

При этих словах оживился Стужин. Вера в молодёжь затлела, получила шанс на возрождение.

– Спортом? Этот-то? – провоцировал Стужин. – Это в какой параллельной вселенной назвали спортом наркоманию?

– Ушу.

– Чего? – в голос спросили Морозов и Стужин.

– Это – боевое искусство Китая.

– Тебе наших мало? – резко спросил Стужин. – Вечно на кого-то косим.

– Так ты у нас Джеки Чан? Покажешь какие-нибудь приёмы? Нам всё равно делать нечего? А? – улыбался Морозов. Стужин, несмотря на возраст, всем видом поддерживал товарища.

– Нет, – отмахивался Белов. – Ничего я не покажу.

– Да чего ты ломаешься?

– В самом деле, как баба, – рубанул словцом Стужин. Белова это даже укололо.

– Да не буду я ничего показывать.

– Не буду, не буду, щя я вам покажу, – завёлся Морозов.

– Подержи, – он протянул Белову ружьё, – минутку.

Он встал, вертолёт трянуло, Морозов, чтобы удержаться, взялся за ручку двери.

– Сейчас я покажу вам, кто тут ниндзя, – вставая в боевую стойку и комично корча лицо, сказал он.

– И вот с этим отморозком я наукой занимаюсь, – пробормотал Стужин.

Морозов всю выделывал кренделя. Стужин весело побряхтывал, пилот улыбался, Белов же спрятал лицо рукой, скрывая предательскую улыбку.

Вдруг вертолёт дёрнулся, Морозов повалился на Белова, вновь схватился за ручку двери.

– Уоооо!

– Начальник? У нас там всё нормально? – спросил Стужин.

– Не знаю! Заткнитесь там! – взволнованно крикнул он.

Троица притихла. Все сразу стали серьёзнее, стараясь переманить фальшивую фортуна на свою сторону дисциплины.

плинированным поведением. Но удача – не исправительное учреждение, и такого не подмечает.

– Долетались, птицы, – пробубнил Морозов.

– Не каркай, – осадил Стужин. – Ничего...

– Какого...? – не успел задать риторический вопрос пилот.

Вертолёт резко просел, Морозов, падая назад, потянул дверь. Распахнулось. Белова бросило вперёд, он ударился о борт и, нелепо повалившись у двери, выпал из вертолёта. Сначала одним боком, обронив одну ногу за край, а потом и полностью. Тело вертелось в морозном воздухе, неминуемо приближаясь к белому покрывалу.

«Долбанная карусель...», – подумал Белов и вонзился в снежное море, пробив заледеневший нарост лицом.

Вой ветра неистово кромсал ошмётки тишины. Снег вихрился, оседая на обронённое судьбой тело. Красный комбинезон маячком сигналил о свернувшейся комком жизни в неприветливом краю белого безмолвия. Карикатура на японский флаг.

– Помогите! Кто-нибудь! Пожалуйста! – захлёбываясь от бешенства, орал во тьму Белов. – Кто-нибудь! Пожалуйста!

Но лишь неумолимый и безучастный вой ветра отвечал ему.

– Стужин! Морозов?! – окликал он в тщетной надежде.

Белов носился вокруг недавней могилы. От возбуждения он ещё не чувствовал холода. По телу бегали противными змейками капли пота.

– Боже мой, – затараторил он, нисколько не веря в него.

– Боже мой. Это невозможно. Глупость. Глупость! Глупость!

Остановился. Кристаллики снега резали глаза, потекли слёзы. Запыхался. Пар изо рта вырывался частыми облачками.

– Это невозможно, – прошептал, тупо уставившись в темноту. Звёзды проглядывались сквозь снежные вихри. Далёкие, отстранённые наблюдатели.

Долго смотрел в никуда. На глазах замёрзли слёзы. Небольшая, но густая борода обросла слоем инея. Лицо,

поначалу совершенно спокойное, давало эмоциональные трещины. Они проявлялись поддёргивающимися скулами, трясущимися губам, потягивающими от страха ноздрями, скачущими глазками, срывающимися в полуподмигивание. Вдруг Белов вспыхнул захлёбывающимся хохотом, повалился на колени, потом на бок, конвульсивно загибаясь.

– Это невозможно. Такая тупость. Тупость, тупость, тупость..., – повторял он, поражаясь столь простому и в то же время невероятному стечению обстоятельств. Действительно комичным выглядело бы это совпадение случайностей, если бы не итоговое положение Белова. И потому вскоре слово «тупость» произносилось им с дикой ненавистью, а смех перешёл в плач. Слова превратились в брань. Руки били по снегу. Бессвязные крики со слюной вырывались с окровавленных губ. Ветер подхватывал всхлипы, разрезал их на тонкие ленты...

Разум сковало отчаяние. Безнадёжно.

Белов перестал рыдать не скоро. Холод всё же остужал рассудок. После слёз неподвижно лежал на снегу, «почувствовал отсутствие чувствительности» в пальцах на правой руке, да и вообще вся правая сторона тела болезненно ныла, больше всего это ощущалось в ноге. Но Белову было наплевать, он собирался вот так пролежать здесь, съёжившись, скрутив кольцами в эпицентре ускользающее тепло. Апатия. Перед глазами проносились сцены из прошлого, мысли лихорадочно бились о черепную коробку с хрустальным звуком...

Белов пошевелился, пошуршал собою о хрупкие кристаллики воды.

– Мне пора идти... – повторял он, с вызовом в голосе. – Мне пора идти.

Подниматься было тяжело, намного сложнее, чем падать. Пусть даже с неба. Промёрзшая боль тут же раскалилась, зажгло в правой ноге, резануло острым краем тонкой льдинки. Белов по-медвежьи застонал. Выпрямился с треском в суставах. Начал оглядываться, скорее с целью перерыва, чтобы настроиться на решительные действия.

«Окей, что дальше? Думаем, думаем, думаем. Что стало с вертолётom? Где он, разбился? Если я найду его, то может, там кто-то выжил. Стужин. Морозов. Или хотя бы пилот. Может, будет даже лучше, что выжил пилот, он к такому как-то подготовлен должен быть... Тьфу! Все они выжили. Пусть все они выжили. А вертолёт? Вдруг он не разбился? Дыма не видно нигде... да и не факт, что он должен быть. Что же делать? Искать вертолёт получается рискованнее, чем искать дорогу на базу. А в какой стороне база? Тут вокруг одна пустыня. Ничего. Ориентиров никаких. Звёзды! Как-то по ним... Но я ничего в них не понимаю! Я этому даже не обучался нигде! К такому судьба меня не готовила, — он усмехнулся про себя, чтобы отогнать подступающую сферическую безнадегу. — Нет, это я к такому никогда не готовился. У меня нет карты. Нет компаса. Нет припасов. Ничего нет!» Не успев выбрать какое-то конкретное слово, он по-звериному прорычал что-то нечленораздельное. Отдышался. «Нет, не время тратить силы. Пора идти, — повторял он себе. — Мне пора идти. Быть может, из вертолётa выпал не только я?»

Он стал прочёсывать местность в радиусе, рассчитанном на глаз, центром которого была его недавняя ледяная могила. Пропахав небольшое поле, наткнулся на какой-то твёрдый предмет. Откапывал его, сидя на коленях. И когда до Белова дошло, что это за предмет, зарыдал. Им оказалось ружьё. Рыдал тихо, без истерик, всхлипывая и вздрагивая, словно раскачиваемое ветром дерево.

«При худшем раскладе я могу быстро всё решить. По методу Кобейна», — думал Белов, спустя пару минут. Последний раз шмыгнув носом и утеревшись рукавом, он встал и поплёлся в произвольную сторону. Его судьбу решит удача. Не то чтобы ему было плевать. Но на случай крайнего невежества у него имелось ружьё.

И Бог бы с ним. Но Бога нет. Не здесь. Не в этой пустоши, не на этом куске льда. Земная ось примёрзла к космическому ничто. Вертится, приводит в движение атмосферу. Сколько можно идти? Ужасно болят ноги, тело. Мозги за-

клевало мыслями. Одни и те же по кругу. Всё пустое, но я не могу остановиться. Мне больно думать об этих вещах. Больно мысленно произносить их. Они ничего не значат. Всё рано или поздно перестанет что-либо значить. Вселенная стремится к пустоте. Я застрял в начале её млечного пути. Координаты 0.0000000... 1.

Шёл около трёх часов. Хотелось пить, есть. Трясло от холода. У Белова вообще была склонность замерзать. Быть может, у него даже развилась непереносимость холода за время дурного периода жизни. Так или иначе, но от холода его неестественно сильно трясло. Ломало.

Живот начинало крутить от голода. «Который час в пути? Припасов никаких нет, вокруг ни травинки, ни деревца. Подстрелить кого? В этой дыре никого, кроме меня нет. Только снег вокруг. Я где-то читал, что снег есть нельзя, – вспоминал Белов. – От него хочется пить ещё больше, типа ускоряет обезвоживание организма. Вот был бы я в пустыне... хотя песок есть тоже нельзя». Он всё ещё пытался шутить. И с этой шуткой всплыло в памяти, как гнилой труп в озере, воспоминание о лучших временах, а быть может, начале их конца...

...Жилы накручивало на костяные шарниры. Белов чувствовал, что с каждым шагом приходится толкать невидимую ледяную стену. Казалось, что к ногам налипли тонны снега. Каждый шаг давался с трудом, расходился по всему телу колючими тиками. Голод всё протяжнее подвывал ветру.

«Надо передохнуть. Быть может, даже поспать. Только как тут уснёшь? Сколько я шёл, интересно? Наверное, около шести часов. По этой темени ничего не понять. Страшно останавливаться, но если не отдохну, то упаду без сил и не смогу встать вообще. Или просто замёрзну. А как мне поспать так, чтобы не замёрзнуть? Закопаться в снег? Выбора нет».

Белов опустился на колени, начал раскапывать снег. Из-за холода двигался он медленно, немного дёргано. Вырыл небольшую ямку. Начал неумело закапываться. Положил

ружьё дулом в сторону своих шагов, чтобы с утра знать куда идти. Следы заметёт. Затем свернулся эмбрионом. Предоставил ветру хоронить себя. Горсть за горстью. Это моя усыпальница...

Вскоре Белова скрыло белым одеялом. Он укутался им, расслабился, вслушался в своё дыхание. Единственный звук, который имел сейчас значение. Но вдруг Белову стало больно от этого факта. Очень грустно и одиноко. Это чувство расплылось внутри, медленно проступило чернильное пятно в душе. Белову, как маленькому ребёнку, захотелось к маме. Точнее, вернуться в детство, в котором достаточно позвать её, и всё налаживалось. Но мамы не было рядом. И Белову оставалось лишь вспоминать о ней...

Он устал и был голоден. Вспотел под тёплой дублёнкой. Тот самый противный зимний день, когда солнце жарит что есть мочи, но чуть расстегнёшься и всё – простыл. Особенно, когда тебе пять лет. Или шесть. Белов уже не мог вспомнить точно. Маленький Михаил в тот день ужасно вспотел, от этого он становился капризным, нервничал. Его мама была в той же ситуации. Терпела. Они ужасно устали, набегались по каким-то её делам по городу, простояли в нескольких очередях, ослепли от солнечных бликов. Проголодались. Вот и забежали в скромную столовую, забитую такими же вспотевшими людьми. Чудо, но отыскался свободный столик. Белов сел, мама пошла в очередь. Выстояла, подозвала сына на помощь. Белов взял две тарелки, на каждой по куску пиццы из тонкого теста, посыпанного сверху ошмётками фарша. Сгодится. Начал пробираться через лабиринт тесных столиков. Он уже и не помнит, по какой причине – из-за собственной неуклюжести или в силу неожиданно возникшего препятствия, но один кусочек плавно ускользнул с тарелки и со шмяком упал начинкой на пол. В тот момент ему казалось, что все, кто был в столовой, смерили его презрительным взглядом. Словно в полной тишине, оторвавшись от разговоров и от еды, люди пожирали его глазами. Белов растерялся. Ему не верилось, что он всё испортил. От стыда пот проступил вдвойне, но сейчас

маленькому Мише было не до этого. Ему хотелось всё исправить. Он наклонился, изловчился удержать две тарелки в одной руке, поднять кусок...

– Ты почему не ешь? – спросила мама, когда вернулась из очереди. Она принесла стаканы с чаем. Обожгла пальцы, замотала руками, когда поставила стакан на стол.

Белов не ответил, сидел весь красный.

– Давай есть, – мама сняла шапку, расстегнулась. Подвинула тарелку поближе.

– Мама... – тихо сказал Белов. – Я уронил твой кусочек.

Она поверила не сразу. Еле скрыла досаду. Но Белов всё равно почувствовал, а если бы не почувствовал, всё равно был расстроен.

– Ну, тогда я попью чай. Мне хватит, – сказала она. – А ты кушай-кушай. Нам ещё в пару мест зайти и всё – отмуцаемся.

– Я могу поделиться с тобой, – с надеждой предложил Белов. Он прекрасно понимал, что у мамы нет ни денег, ни желания стоять опять в очереди.

– Не надо. Я спокойно обойдусь чаем. Ешь, не тяни. У нас мало времени.

Белов скрыл поблёскивающие глаза. Без особого аппетита начал есть. Давился. Еда комом вставала во рту. Люди в зале, нацепив маску презрения, наблюдали за ним, осуждающе шипели, перешёптываясь, костерили его. Так Белову казалось. А может, и нет.

Мальчик ощущал себя ничтожеством. Не справился с самой простой задачей. А теперь из-за его никчёмности страдает его мать. Та, что терпела все его закидоны, та, что продолжала терпеть. От обиды Белов грыз себя сильнее и продуктивнее, чем пиццу.

Кирилл Русов

Тюмен-paradise

(глава из романа)

*Моей запутавшейся Ане Ди – той,
в которую я был влюблён, посвящается.*

Терпеть не могу фантастику. Особенно – фэнтези. Все эти колдуны с магией, рыцари с мечами, скелеты в доспехах, гномы, эльфы и прочая нечисть вызывают у меня такое раздражение, что глаза на лоб закатываются. Несомненно, в горах фэнтезийной макулатуры всё же есть свои жемчужины. Тот же «Властелин колец» Толкина. А ещё... эм-м... всё, пожалуй. Но это, конечно, исключение. Классика всё-таки.

Я, в отличие от большинства моих коллег (да и вообще почти всей тюменской молодёжи «до тридцати»), люблю жизненные истории. Люблю классическую прозу: Пушкина, Тургенева, Достоевского, Булгакова с его романом «Мастер и Маргарита»... а, это ведь тоже фантастика. Но не суть.

Так к чему это всё.

Меня зовут Роман Снеговой. Я – писатель. Книги свои не назову, так как лично ничего ещё не написал. Тем не менее, по профессии, по образованию и по призванию я – повторюсь – писатель. Работаю в редакции под названием «Ваше перо». Нетрудно догадаться, чем же я там занимаюсь, но всё же расскажу. Мы – шесть дилетантов и я – писатель – выполняем заказы по написанию книг. В среднем с книжкой в 16 авторских листов справляемся за месяц, а то и быстрее. Всё зависит от требований заказчика. К примеру, закрученный сюжет, живые герои, динамичные сцены, философские размышления и прочие составляющие хорошей литературы в сумме требуют больших вложений единиц труда, а следовательно, и большего времени на написание книги. Но наши клиенты в основном непривередливы: просят фантастику.

Ну, хватит о работе, скажу о главном.

Почему я взялся за написание дневника: в этом виновата всё та же фантастика – чёрт бы её побрал! Только сдали один «роман» с интригующим названием «Маги против волшебников», так сразу же – сегодня утром – поступил новый заказ от довольно известного, так называемого «модного» писателя Вергилия Магомедова. Этот... писатель попросил сотворить для него сагу «Басня стужи и зноя».

– Ну, по сюжету конкретно ничего не скажу, – сообщил он по видеосвязи (естественно, такие шишки никогда не придут в редакцию лично!) – Вы что-нибудь там придумайте такое, чтобы всех моих читателей поразило. Книжечек так шесть по двадцать алок каждая.

Шесть книг! По двадцать алок! Да это же самая настоящая кабала! Полгода непрерывной работы! Ещё и – фэнтези! Господи, боже мой!.. Ладно, Магомедов хотя бы ежемесячную надбавку делает достойную: на 25% единиц труда больше, чем обычная зарплата.

Так к чему же всё-таки я затеял писать дневник.

Как уже говорилось ранее, сердце моё лежит к прозе, в которой описывается реальная жизнь со всеми её капризами и невзгодами. И мне хочется писать именно об этом, а не о том, как некий Гордомунд, бывший раб, становится рыцарем круглого стола и в одиночку идёт спасать королевство от полчищ гоблинов и трёх огнедышащих драконов в придачу. Фэнтези мне уже вот где (бью ребром ладони по горлу). На работе все шесть часов только и делаю, что фантазирую. И теперь каждый вечер – начиная с сегодняшнего – буду посвящать написанию мемуаров (если это можно так назвать). Думаю, моя жизнь куда интереснее, чем приключения Гордомунда.

Лелею надежду, что мои записки когда-нибудь будут опубликованы, как самая настоящая книга, но это маловероятно. Мне ли не знать – начинающим писателям, да ещё и одиночкам, в современном книгоиздательском мире придется ой как тяжело в отношении публикации своих работ (имеется ввиду: на бумаге, а не в электронном виде в сети).

Во-первых, конкуренция именитых авторов; во-вторых, конкуренция объединённых под одним псевдонимом целых цехов писателей, которые штампуют толстые книги по одной за месяц; в-третьих, конкуренция именитых писателей, на которых пашут группы объединённых в цех литераторов (где я, собственно, и работаю), штампующих по книге за месяц. Всё для того, чтобы утолить литературный голод насыщенных читателей Тюмени. Кстати, нужно признать, что качество таких книг очень даже неплохое, несмотря на то, что – фантастика. Во всём виноваты программы-помощники, которые сопровождают творчество любого современного писателя.

Конечно, есть вариант: многочисленные литературные журналы нашего города, но и там очень большой, так сказать, кастинг. Да и какому современному писателю захочется видеть своё творение в каком-то там журнальчике? (если это творение – не рассказ или стихотворение. С ними у нас совершенно отдельная история).

Мой недостаток, несомненно, позволяет, чтобы я так же, как сейчас поступают многие, заказал собственную книгу и через месяц получил готовый авторский экземпляр с гордым «Роман Снеговой» на обложке. Но я выше этого. Да. Пишу сам. От руки.

Итак, завершаю эту небольшую преамбулу. Перехожу непосредственно к повествованию. «Жизнь Романа» – наверное, так назову свою книгу.

2035 год. На календаре – декабрь. Осталась всего неделя до нового года.

Ресторан «Авеню». Я одиноко сижу на своём любимом месте – в дальнем углу зала – на мягком кожаном стуле за круглым столиком. Сам же зал практически весь заставлен такими столиками. Почти за каждым – элегантный молодой человек в чёрных блестящих туфлях, в костюме-тройке, смокинге или же просто в брюках и белоснежной, идеально отглаженной рубашке с чёрным галстуком-бабочкой; а напротив него – обворожительная миледи, обязательно в туфлях на высоких каблуках, в длинном сногшибательном платье,

с крошечной сумочкой на коленях, с пышными вьющимися волосами и в чуть сдвинутой набок шляпке.

На небольшой округлой сцене на фоне богато наряженной ёлки стоит она. В красном обтягивающем платье и с широким поясом, завязанным, словно для подарка, в бант. Одной рукой обняв большой серебристый микрофон на стойке, она поёт. Похоже – джаз, но я не уверен..., плохо разбираюсь в музыке.

Её голос просто божественен. Он льётся, подобно ручью, спокойно, нежно. О чём она поёт? Кажется – о любви. Да-а...

А фигура... алая ткань обтягивает так, что платье будто вот-вот лопнет; идеальная ножка выглядывает в большой разрез до бедра, тонкие руки в беспалых перчатках, закрывающих всё предплечье, плавно двигаются в такт музыке, а длинные каштановые волосы ниспадают на голые плечи.

Эта девушка здесь совсем недавно – мне ли, завсегда-таю «Авеню», не знать, – но уже успела завоевать сердца многих мужчин. После каждого выхода на сцену у её ног образуется целая гора цветов и подарков, а около двери в гримёрную теперь стоит охранник. М-м, такую даму действительно нужно охранять...

Пока я всё это записываю, она продолжает петь. Моя старая добрая шариковая ручка всё выводит закорючки букв в потрёпанном блокнотике, наполовину исписанном различными рабочими заметками. Свет маленького светильника с изумрудным абажуром, стоящего посреди столика, падает на страницу.

Мне здесь уютно. Даже уютней, чем в собственной квартире. И хочется сказать о...

Я говорил, что написанию своей книги буду посвящать каждый вечер. Но то, что произошло со мной вчера в ресторане «Авеню» не может ждать целый день, прежде чем сообразоволю перенести всё из воспоминаний в текст на бумаге. Именно поэтому предтрудовое зимнее утро я проведу не в тёплой постели, а за письменным столом.

Полагаю, что именно с этого происшествия должна была начинаться моя повесть. Кому же, как ни Роману Снегово-

му, знать о той самой экшн-сцене, тут же затягивающей читателя в повествование. Первый же абзац большинства книг модных писателей начинается примерно с такого:

«Над головой – в каких-то миллиметрах – просвистела(л/ло) пуля (пущенный камень, копье или что-то ещё, выбирайте сами). Я упал, вжавшись в землю и ища взглядом врага. Откуда-то раздался пронзительный крик. Похоже, женский...»

И так далее и тому подобное. После этого небольшого «взрывного» события идёт, обычно, знакомство с ГГ4 и Ко', затем начинается развитие сюжета, победа за победой, но в середине книги происходит что-то ужасное: главный герой терпит поражение, разочаровывается в жизни и т.п. Далее сюжет продолжает развиваться, и победа почти в руках героев, но под конец книги наступает безысходность: герои вот-вот проиграют. Тем не менее, происходит что-то, чего совсем не ожидаешь, и всё кончается хорошо. И, конечно, пишется то, зачем же всё-таки автор сотворил свою книгу. Основная мысль, так сказать. Естественно, не в лоб, а завуалировано, через уста героев. Но дьявол! Я хочу рассказать совсем не об этом! А мысли о предстоящей работе пауками закрадываются в голову...

Итак.

Я сидел в ресторане за своим столиком, писал книгу и слушал песню обворожительной миледи, как вдруг надо мной раздался голос:

– Вы детектив?

Я поднял голову и увидел её. Не помню точно, но у меня, кажется, отвисла челюсть. Рядом со столиком, уперев одну ручку в талию, а в другой сжимая крохотную сумочку (клатч – лишь сейчас вспоминаю её название), стояла та самая певица. Похоже, я слишком увлёкся блокнотом и совсем не заметил момент, когда она закончила петь.

Девушка ждала, приподняв одну бровь.

– Я писатель, – наконец, выдал я.

– Ой, – искренне, как мне показалось, удивилась она и присела на стул напротив. – Мой хороший знакомый тоже – писатель. Вергилий Магомедов, слышали о нём?

Конечно, чёрт возьми, слышал!

Девушка сидела боком, положив ногу на ногу, и мой взгляд упал на её идеальную коленку, выглядывавшую в прорезь платья. Именно тогда я начал осознавать, кто же оказался за одним столиком со мной.

– А почему вы сначала подумали, что я детектив? – решил я проявить инициативу.

Певица очаровательно улыбнулась.

– Ваша записная книжка, – указала она глазами на блокнот. – Совсем, как у полицейских. Они порой заходят сюда, знаете?.. И ещё – ваш взгляд.

– Взгляд?

Неужели она заметила, что я пялюсь на неё? Я тут же (с трудом) поднял глаза с покачивающейся ножки на лицо девушки – мимо мелькнули бёдра, талия... кхм... шея, алые губки...

Было очень сложно смотреть в её безупречную переносицу – взгляд всё время норовил опуститься.

– Да, – чуть кивнула певица, отвечая на мой вопрос, и вдруг взволновано вздохнула. – Ах, как я бестактна. Меня зовут Катерина. – она протянула ручку. Я заметил тонкие линии расслабленной кисти, острые алые коготки пальцев и петельку перчатки на безымянном.

– Роман, – пафосно прорычал я (вот же идиот!), взяв эту расслабленную кисть в свою ладонь, легонько взвесив её и при этом кивнув (вдвойне идиот!).

Катерина, по-видимому, ожидала, что я, как истинный джентльмен, поцелую протянутую дамскую ручку – в её глазах отразилось небольшое удивление, затем крохотная досада.

– Что ж, – проговорила она, взявшись за сумочку (от этого движения моё сердце вздрогнуло – неужели сейчас уйдёт?!).

Но девушка всего лишь лёгким движением открыла её и начала что-то искать. А в это время я заметил взгляды посетителей, устремлённые на нас и в особенности – на меня. Среди смотрящих были и те самые поклонники молодой певицы (что, неудачники, завидуете?!).

В руках Катерины появилась длинная ароматическая трубочка. Включив её, певица зажала мундштук алыми полными губками.

– О чём же вы пишите? – спросила она, выдохнув клубничный пар и отведя назад руку с зажатой между пальцев трубочкой, отчего грудь чуть подалась вперёд, и мне вновь показалось, что ткань её платья вот-вот лопнет.

– О жизни, – ответил я, смотря в глаза Катерине (проклятье, я даже не запомнил их цвет!).

– М-м, а с вами происходит что-то интересное? То, чем стоит поделиться с читателями? – промурлыкала она и вновь вставила мундштук в уголок рта.

– Порой, – отрезал я и, вспомнив о времени, глянул на наручные часы. Отведя от них взгляд, я тут же забыл, который час.

– Вы куда-то спешите? – осведомилась следившая за моими глазами Катерина.

– Нет... то есть... нет, – я попытался как можно очаровательнее улыбнуться, даже дёрнул одной бровью и затем предложил. – Может – вина?

– Благодарю, – улыбнулась певица (кокотничать у неё получалось намного лучше, чем у меня). – Но, если честно, мне тоже пора уходить. Уже так поздно... проводите меня?

– Конечно, – с готовностью ответил я, наблюдая, как ароматическая трубочка пропадает в клатче, а вместо неё в руке Катерины появляется золотой city-phone. Его дисплей, поначалу казавшийся мёртвым, встретился со взглядом владелицы и тут же разгорелся красочными символами. Девушка, чуть скользнув по ним большим пальцем, вдруг преобразилась: её взгляд стал томным, губы совсем немного вытянулись, будто нерешительно хотели поцеловать, подбородок вздёрнулся. Она повернула головой, подставив дисплею сначала одну, затем другую щеку, и, удовлетворившись своей внешностью, убрала телефон обратно.

– Пойдёмте?

Я, моментально среагировав на её вопрос, поднялся со стула, убирая блокнот вместе с ручкой во внутренний кар-

ман жилетки, обошёл стол и подал даме руку. Она, мило улыбнувшись, взялась за неё и тоже встала.

На миг мы оказались непозволительно близко друг к другу, учитывая то, что это было наше первое свидание (если его можно так назвать). Я почувствовал её горячее дыхание на своём подбородке, ощутил кружащий голову аромат духов, посмотрел в невозможно близкие глаза (и вновь не запомнил их цвет).

Но вот мне, теперь преобразившемуся в джентльмена, пришлось отступить, чтобы пропустить даму вперёд.

Идя следом, я поражался грации и красоте, с которой Катерина обходила столики и сидящих за ними посетителей, всё продолжавших стрелять по певице взглядами. Её открытая спина казалась гибкой, как ствол молодой берёзы – так она извивалась, будто толкаемая ветрами то с одной, то с другой стороны.

В гардеробе я помогал Катерине надеть её лисью шубку, как вдруг услышал за спиной знакомый голос:

– Мисс Катрин! Миледи, прошу вас...

Появился мой хороший знакомый – Павел, владелец ресторана. На нём, как и всегда, сверкал золотом костюм. Поэтому при каждом взгляде на директора глаза начинали непроизвольно слезиться, а на лице появлялась глупая прищуренная улыбочка.

Он подбежал к певице, которая в это время поправляла шубку, встал на цыпочки, схватившись обеими лапками за воротник своего фрака, потянулся к щёчке Катерины, будто бы для прощального поцелуя, но вдруг промазал, и я увидел, как его губы с шипением зашевелились у самого уха девушки. Та нахмурилась, слушая, а затем, прикрыв глаза, кивнула.

– Ну, тогда, – уже во весь голос проговорил Павел, отстраняясь и разводя руками, – я возвращаюсь развлекать публику, – он сверкнул своей знаменитой улыбкой и чуть повернулся, как бы провожая нас. – Роман, Катрин...

К этому моменту я уже надел длинное пальто и чёрную фетровую шляпу. Пожав протянутую пухлую ручку директора, вышел за Катериной в вечерний холод тюменской зимы.

Продолжение пишу, сидя в вагоне метро и опаздывая на работу. За окном так же темно и идёт снег, как было в тот злополучный вечер. Это, надеюсь, поможет мне вспомнить некоторые подробности произошедшего, учитывая то, что моя мигрень разыгралась с новой силой.

Сейчас через идеально прозрачное стекло я вижу, как мимо проносятся окна пятых этажей и запорошенные верхушки деревьев, как мелькает сияние рекламных баннеров, поздравляющих с наступающим 2036-м..., но вчера, выйдя из ресторана, я лишь мог всё это представлять, наблюдая за тем, как над головой с мерным шуршанием проносится состав...

Крупные хлопья, подсвеченные золотистыми фонарями, медленно падали с чёрного неба, приземлялись на поля моей шляпы и на пушистый шарфик Катерины. Мы шли рядом по парковке. Сейчас я пытаюсь, но не могу точно описать, что было вокруг – в воспоминаниях не осталось даже тени припаркованных авто и прохожих, идущих по расположенному рядом тротуару. А ведь улица Республики, тем более в центре города, всегда выглядит оживлённой, даже в самый поздний час.

– Вы на метро? – спросила Катерина, взглянув на меня.

– Да, – ответил я, – а вы?

– Ох, – вздохнула певица, – всё никак не могу пересесть на общественный транспорт.

В её руке звякнули ключи от машины (я не заметил, как девушка достала их из сумочки).

– Что ж, в таком случае... – проговорил я, остановившись, в это время мы уже подошли к её электромобилю.

Катерина нажала на брелок, и дверца белого авто, исполненного в стиле ретро как Tucker Torpedo, услужливо открылась перед хозяйкой. Девушка села в кресло водителя, и я удивился, увидев руль вместо привычной панели управления, которой оборудуется каждый современный автомобиль.

– Полная имитация старой автомашины, – объяснила Катерина, заметив мой взгляд. – Может, вас подвезти?

Отказываться было неудобно да и как-то глупо, поэтому я, улыбнувшись, начал обходить машину, направляясь к пассажирскому сидению.

– Малышка, – донёлся до меня голос Катерины, – открой господину переднюю пассажирскую...

– Как будет угодно, мисс, – ответил электромобиль щебечущим сопрано. Похоже, навигационную панель здесь заменяло голосовое управление...

...К сожалению, я подъезжаю к своей станции и не успеваю всё расписать подробно. Поэтому кратко...

Я уже собирался сесть в машину, как вдруг (вот та самая экшн-сцена, о которой говорилось вначале!) почувствовал сильнейший удар по голове.

Ирина Сиволобова

Вирджиния

И тут она перешла на шепот. Знаете, я недавно переводила одного австрийца, Benjamin звучит по-английски совсем не так. Она медленно начала отводить лицо и все это время пристально тунелила меня своим серым взглядом. Потом что-то поняв, быстро выдохнула. В глазах одновременно потухли глаголы, и зажглись прилагательные. Море за окном ловило отражение улыбок в стекле и превращало их в солнечных зайчиков.

Вот и всё, подумалось мне. Кажется, я нашел самую странную женщину на планете. Необходимо как можно быстрее начать готовиться к свадьбе.

Наступило потом после подвенечного платья с вишнями. Дни и ночи проводили в кафе. Ей казалось, что если сидеть дома, на кухне, то будет чересчур похоже на нормальную семейную жизнь. Нормальной она быть не хотела. Хорошо.

Она клала теплую ладонь мне на запястье и кивала, иногда улыбалась. Я притворялся, что хорошо ее понимаю. Свободной рукой она поправляла локоны со лба. Веером закатывала глаза. В них танцевали мятные блики оркестра. Я обманывал ее доверие. Она обманывалась исключительно легко. Кто же из нас был в таком случае умнее?

На концертах она обычно плакала. Когда я ее утешал, она отстранялась. Сегодня я не хочу быть слабой.

Она резала лимоны и оставляла в каждой комнате по маленькой дольке. Так мы никогда не оставим следа, будто нас и не было. Украдкой сообщала она мне в шею. Ты же понимаешь, что это значит, Орландо? Понимаю. Вру я. И тут же берусь смахивать солнечных зайчиков с каминной полки. Чтобы она тоже видела, какой я странный.

В среду. Придумала игру. Лежа в постели, мы по очереди должны были загадывать, кого повесим на абажур. Она хотела повесить Санд. Понимаешь, любовь живет один раз. Если бы не родилась Санд, я родилась бы вместо нее и при-

надлежала бы Шопену. Ты ведь понимаешь меня. Понимаю. Снова врал я. Твоя очередь. Думаю, я бы повесил Шопена. Меня всегда завораживала Санд. Она одобрительно кивала и благодарно целовала мою ладонь. Так я увидел, что уши у нее разные и возбуждился. Потом я лежал красный, а она красивая. Когда она уснула, я впервые прочитал «Графиню Рудольштадт».

Я состою вовне. Поэтому никогда ничего не создам. Я деструктивно сложена и такой всегда буду. Если вы меня не сможете терпеть, то уходите. Я уходил. В коридор. Ждал, пока стрелка часов откинет тень на вторую, и возвращался. Она уже переодевалась и ждала меня. Пока вас не было, я не успела вас забыть. Хорошо, что вы вернулись.

Когда к нам стучали, она бежала открывать. Знаете, если бы маяк не был так прихотлив, мы бы его купили. Потом она отступала от двери и, что-то напевая, возвращалась в комнату с абажуром. Я извинялся и захлопывал дверь.

Каждый год я загадывал стать таким же странным как она. Каждый год она просыпала приход нового. Когда однажды я отлучился из нашей жизни, она оставила запинаящуюся записку и ушла из своей.

Записку я прятал в пригоршне васильковых соцветий. Сначала я хотел повеситься на абажуре, но там уже не было места. Когда мне было грустно, я мог не солить суп. Хотя я его редко ел. Питался воздухом из ее расчёски: гранатовым с кунжутными семечками.

Так я перезимовал свою жизнь.

Насте

приставные шаги от окна до двери. от них старый торшер трясет кисточками, как старик бородой. раз-два-три. раз-два-три. шесть квадратов не всегда хватает, когда одна наедине с собой. плюшевых мишек тут никогда не было. пусть они и являются необходимым атрибутом детства принцессы. впрочем, здесь себя принцессой никто и не чувствует. вы, пожалуйста, не подумайте так. а если кровать и накры-

ваются палантин, то ровно до утра. до момента, когда раздастся треск металлического будильника, и электрическая лампочка неделикатно зажжется. лить воду в ванной долго нельзя, даже если и почудилось, будто ты родом из подводного королевства. за сны утром всегда становится стыдно. особенно, когда ты единственная в доме, кому можно сыр на завтрак. мечтать вообще-то тоже опасно. задумаешься – и уже ударила коленом о невысокий столбик во дворе. столбику ничего. он был спрятан в темноте зимнего утра, укутанного снежными хлопьями. а вот дыру на коленке в метафору не спрячешь. (синяк, кстати, всегда остается безымянным героем). будешь ходить теперь так, раз ничего не ценишь. хотя, конечно, к вечеру на молочных колготках появится коричневая заплатка: женщина, живущая в соседней с твоей комнате, хоть и жалеет тебя всегда, но уже пожилая и видит плохо. за это ей тоже достанется. после уроков можно раскрасить стены в цвета другого мира. английский язык дается легко. ничего удивительного, ведь он такой приятный на вкус. большой бен, магические котелки, чепчики старух, пахнувшие лавандой. рука сама тянется к карандашу и замирает над разлинованной бумагой. она совсем непохожа на пергамент, да и тратит новую тетрадку на глупые сказки нерационально – ДЕНЕГ ведь стоит. на листе появляется пара царапин, через которые тетрадь тут же заражается лихорадкой другого мира. сделано это было, конечно, нарочно. тетрадь спрячется в тайник в диване. до случая, когда будет либо очень грустно, либо очень радостно. уроки доделаны вовремя. никогда точно не знаешь, когда именно придется быть БЛАГОДАРНОЙ за то, что живешь в отдельной комнате. теперь можно немного помечтать. только совсем тихо. рука заносится над белым листом, и мир, сотканный из такой прочной фантазии, внезапно протыкается карандашом. удивительное дело: дыра в тетрадке напоминает ту самую, на колготках. вина не длится дольше преступления, надежда всегда сильнее. первое слово оканчивается последним: прервать молчание значит проткнуть в нем дырку. тетрадь снова убирается в диван. свет выключается.

чается. минута. и испуганный дыркой мир медленно вы-ползает из своих укрытий: из стен, штор, учебников, даже рюкзака. сон. с крыши стряхивают снег. крыша покрыта не красной черепицей, а окурками и шприцами. снег летит быстро. пролетает мгновенно все девять этажей панельного дома. мешкать бессмысленно: в этом городе нет никакой разницы, с какой крыши лететь. утром к сыру дают корочку белого с маслом и вареньем – женщина на кухне доводит до сведения, что дыра на колготках была, и правда, незначительной. новшество в рационе проглатывается быстро. нет, дело совсем не в неблагодарности. просто вдруг показалось, что... зачем платить РАДИВУ, если женский голос разрывается бесплатно и даже без громкого информационного повода. на литературе и английском хвалят с обязательным занесением в дневник. радуется только дневник. и зря, ДИВИДЕНДОВ-то от него нет. радость всегда должна подкрепляться чем-то материальным. вот усатый господин тоже, кстати, частый обитатель кухни, в его возрасте радовал всех ПРАВИЛЬНО. дневник возвращают на стол шестиметровой комнаты. недалёковидно он выбрал для обложки эти три цвета. поступи он умнее, сидел бы сейчас, свесив ножки с каминной полки, и поглядывал на юную фею, угощающую белочек и бурундучков тарталетками с джемом из апельсиновых корок. а со стола бы ему сигналил пузатый фарфоровый чайник, наполненный ароматным напитком из чабреца с молоком. дверь закрывается. раз-два-три. раз-два-три. приставные шаги от окна до двери. от них старый торшер трясет кисточками, как старик бородой. шесть квадратов не всегда хватает, когда одна наедине с собой.

Ярослав Мальцев

Сборник малой прозы

Окошко

– Включите, пожалуйста, смысл! – обратился Иван в пустоту, стоя на ярко освещенной сцене. Его голос пронесся по пустой зале, оттолкнулся от стен, вернулся обратно и стих. Иван стоял в нелепой позе в ожидании ответа. Ответа не было.

– Как же без смысла? – проговорил Иван, как и прежде обращаясь в пустоту.

– Мне нужен смысл! – произнес он, ни к кому уже не обращаясь и даже, собственно, не ожидая ответа. Он озирался, внимательно осматривал зал, перебежал глазами с предмета на предмет и всякий раз останавливался на чернотой зияющем окошке напротив сцены. Чернота пугала, манила, смотрела на Ивана, звала и ждала. Иногда в окошке что-то мелькало.

– Зачем я здесь?! – адресовался окошку Иван, но опять не получил ответа.

– У меня должен быть смысл..., – вымолвил Иван озадаченно и стал бродить по сцене: вперед-назад, вправо-влево, диагоналями, пересечениями, кругами и квадратами. Иван ходил все быстрее. Злился.

– Как я здесь оказался? – опять спросил Иван и взглянул на окошко. Окошко молчало.

– Зачем? – Тишина окутывала, свет заливал, шаги гулом отдавались по зале.

– Разве я могу жить без смысла?! – в ярости прокричал Иван и стал оглядываться. Он смотрел вверх, вниз, влево, вправо. Он заглянул за ширму. Он спустился вниз и стал ходить по рядам. Ему хотелось ломать и крушить, хотелось кричать, разразиться рыданиями, выплюнуть проклятья.

– Может быть, есть какой-то План? — громко промолвил Иван и оглянулся на окошко. Окошко темнело. Иваном ов-

ладело отчаяние. Хотелось пойти на сцену, выпрямиться, манерным жестом приставить револьвер к виску и спустить собачку. Главное – театрально упасть и выдержать позу.

Но выглядело глупо. И револьвера не было. Не было зрителей. Хотелось жить.

– Мне нужен смысл..., – повторял Иван в полном одиночестве.

«Ведь должен же быть ответ. ГДЕ-ТО должен быть ответ...», – подумал Иван, и его взгляд упал на окошко. Окошко было в углублении, высоко, к нему вела лестница. Иван карабкался по этой лестнице выше и выше к окошку. Он отчаянно надеялся найти там ответ, найти там КОГО-ТО. Он поднял голову и видел, что в окошке есть ЧТО-ТО или КТО-ТО.

«Там есть КТО-ТО, КТО ЗНАЕТ», – думал Иван, достигая окошка. Он заглянул в окошко... и увидел там зеркало.

Серьезный выбор

Все мальчишки мечтают о приключениях. И четверка юных друзей, тайно забирающихся в здание заброшенной деревенской школы – заброшенной школы в покинутой деревне, – тоже мечтали о приключении. Именно поэтому они и протискивались сейчас через с трудом открывающуюся из-за несмазанных петель дверь – здание было не просто оставленное людьми, но и пользовалось дурной славой в окрестных селениях: никто не мог сказать, что здесь произошло и почему сюда лучше не забираться, но все взрослые предупреждали: «Не ходите в старую деревню и ни в коем случае не приближайтесь к старой школе». И никаких объяснений! Зато жгучее любопытство и желание узнать тайну.

– Там есть секрет! И этот секрет мы должны выведать во что бы то ни стало! – задорно объявил Сашка минувшей пятницей, подговаривая остальных предпринять дерзкий, нарушающий родительские запреты поход в заброшенную деревню. В принципе в самом походе не было ничего сверхъестественного: всем было запрещено там появлять-

ся, но все дети там околачивались: полный простор детским играм и фантазиям. Однако в школу, насколько известно, не проникал никто. Даже местные сорви-головы, использующие деревню в своих разгульных целях: мотоциклы, громкая музыка, сигареты, алкоголь и секс – даже они школу обходили стороной. То ли действовали запреты детства, то ли у них были собственные страхи. Но факт фактом: храбрецов не было.

Школа была обычная: три этажа из белого кирпича, абсолютно неприятельского на вид и как будто наложенного в спешке, шиферная крыша, грязные окна, сквозь которые уже ничего нельзя было разглядеть из-за толстого слоя насевшей на них пыли. Сколотые ступени крыльца, заросший двор и давно некрашенный забор со скрипучей калиткой. Единственная странность школы (но кому она бросится в глаза?) – нетронутое состояние всех окон. И тишина вокруг. Полная. Осязаемая. Рождающая чувство беспричинной тревоги.

Мальчики поодиночке протискивались внутрь и вступали в царство полумрака. Был день. Солнце пробивалось сквозь окна и освещало интерьеры, которые были знакомы ребятам по своей собственной школе: здания были явно построены по одному проекту. Притягивающее различие: запущенность, запыленность, безлюдность и свобода – людей особенно манят объекты, когда-то заброшенные другими людьми.

Коридоры школы гулом отзывались на шаги. Звук прокатывался по пустому зданию, отталкивался от стен и потолка, откликался откуда-то из глубин, возвращался и терялся одновременно. Звук растворялся и, растворяясь, сплетался со странным, будто бы умирающим, истекающим, теряющим силы светом, просачивающимся сквозь запыленные окна. Свет солнца был, но, казалось, здесь он не имел своей силы, терял ее. Пространство школы было территорией, где свет истончался, терялся и существовал как бы по какому-то разрешению или незримой договоренности.

Кабинеты были полны старых стульев, парт, столов. В них находились шкафы, на которых (или в которых) еще

можно было найти учебники, книги, карты – пусть в небольшом количестве, явно забытые либо из-за недосмотра, либо из-за лени. В некоторых учительских столах были тетради, письменные принадлежности, канцелярские мелочи. В музыкальном классе стояло брошенное пианино. Расстроенное. Но подходящее для того, чтобы непрофессионально вдарить всеми пальцами и, что называется, побренчать. Школа наполнялась нотами – кто же хладнокровно пройдет мимо клавишного музыкального инструмента?

Музыка разносилась веселая, голоса звонкие, но улыбки на лицах мальчиков постепенно терялись. Что-то странное и смутное давило на них и ощущалось ими. С того самого момента, как они проникли в здание что-то вокруг них казалось им неестественным. Они бы не смогли сказать, что. Но это что-то было рядом, было вокруг, наблюдало, затягивало и обволакивало. Это что-то никак себя не проявляло, но ощущалось на уровне беспокойства. Оно давало свободу, но своим присутствием ограничивало ее: лишало радости. Невозможно быть полностью свободным, когда есть невидимые глаза.

– Пора уходить. Мы здесь уже три часа, все посмотрели, – сказал один из мальчиков, посмотрев на экран своего мобильного. Мальчишки развернулись к выходу.

Непонятный ветер пронесся мимо них, и неподалёку от себя они заметили нечто. Это нечто нельзя было даже как-то описать. Это не было что-то живое и не было привычным изображением призрака. Это было просто нечто: некоторое сгущение воздуха, охватывающее всю ширину комнаты. Сгущение было еле заметно, но явно.

Мальчики переглянулись и быстро пошли к выходу. Они молчали. Сердца говорили: их стук был учащенным и громким. По всему пространству школы раздался треск. Неопределенный. Неизвестно, чем производимый. Непонятно, откуда исходящий: сзади, спереди, снизу или сверху. Кажется, что они в центре этого треска. Треск становился навязчивее и гуще, сгущение воздуха плотнее, и оно следовало за ними, постепенно вытягиваясь в полукруг. Мальчики побежали.

Коридоры больше не гудели. Звук шагов тонул в происходящем. Стало жарко не то от адреналина, не то от изменяющейся температуры. Пространство сужалось. В ушах пульсировало, било и трещало. Коридоры и лестницы проносились мимо и не замечались. Виднелась только свобода впереди и чувствовалась воздушная густая полусфера сзади, стремившаяся закруглиться и поглотить. Мальчики бежали изо всех сил, а полусфера наступала медленно. Медленно и неотвратно. Неотвратно и неопределенно – что она есть?

Входная дверь оставалась в том же положении, в каком они ее оставили: чуть приоткрытой. Она давала шанс, но не всем. Оно оставляло проход, но ненадолго: его концы почти замыкались...

Протиснулось двое. Один постарше, один помладше. Дверь захлопнулась. Треск смолк. Сгущение осталось по ту сторону. Раздался отчаянный стук. Потом пауза. Полнейшая тишина. Потом снова стук. Стук. Стук. Стук, вызывающий о помощи? Или стук, заманивающий в ловушку? По другую сторону двери находятся друзья тех, кто выскочил. Может быть, нужно открыть дверь и протянуть им руку помощи... Мальчики смотрят друг на друга. Это их первый серьезный выбор. Серьезный выбор всегда между жизнью и смертью...

Странная тень

Этим летом мы проводили свои вечера у костра. Мы – это местные парни и девчонки лет от шестнадцати до восемнадцати – возраст, когда уже можно целоваться, но еще не разлучила друг с другом т.н. «взрослая жизнь»: армия, университеты, работа. Мы пока еще старшие школьники, мы пока еще беззаботные, мы пока еще юные, верящие в идеалы, друг в друга и влюбленные в жизнь. Так или иначе, но мы в тот период все любили и этот наступающий, скрывающий нас от глаз взрослых, опутывающий некой темной первобытностью мрак; и это звездное небо, всю красоту и

прелесть которого можно оценить только в деревне, вдали от городского шума и всевозможных иллюминаций; и свои первые свидания, со всеми их радостями и горестями, открытиями чужого тела и собственной чувственности; и первые сигареты, первое пиво. В этот период взросления жизнь кажется полной проблем, но все они перекрываются вот такими вот вечерами в дружественной компании, где все кажется стабильным, искренним и полным настоящего ощущения жизни.

Итак, мы собирались у костра на окраине нашей деревни, рядом со сколоченным из самых разнообразных материалов (двери, доски, фанерные листы, остатки какой-то мебели) шалашом. К шалашу мы стягивались постепенно, начиная часов с семи вечера. Девчонки, бывало, готовили что-нибудь перекусить, мальчишки приносили из дома провизию – из века данное разделение мужских и женских ролей прослеживалось уже в этом довольно несознательном возрасте. При наступлении сумерек разжигался костер, вся ватага собиралась вокруг его пляшущих язычков, и наступала сладкая пора тихих разговоров, молчаливого курения и трепетно обнимающихся парочек, где каждый влюбленный пытался донести до другого всю полноту своего чувства, всю невозможность бытия без него. Играла гитара.

С мая к нам повадился ходить мужчина. Его никто не знал. Он был не из нашей деревни. Возможно, он работал в находящемся неподалеку лесхозе, а вечерами выходил прогуляться по окрестностям. А может быть, он приехал в наши места отдохнуть и порыбачить, расположившись «дикарем» где-нибудь неподалеку. Он влился в нашу компанию совершенно незаметно, привлеченный гитарой. Его первыми, возможно, единственными за все время словами были:

– У вас очень тепло. Гитара. Можно послушать с вами?

Потом он выбрал себе какое-то полено сбоку от нас и молчаливо сидел на нем, курил сигарету за сигаретой, смотрел на костер, прислушиваясь и явно думая о чем-то своем.

С этого вечера он стал приходить постоянно. Молча подходил к нам, кивал тем, кто его видел, садился на облюбо-

ванное им в первый визит полено и зажигал сигарету. Уходил при первых признаках окончания наших посиделок. И так было вплоть до конца лета, до наступления осени, когда в силу похолодания мы постепенно перестали собираться. После этого он пропал. Пропал, так и не сказав ни слова.

Странный был тип. Странная тень наших тогдашних посиделок. Тень, пришедшая ниоткуда и ушедшая в никуда. Кто он? Что он здесь делал? О чем он думал? И какое одиночество он испытывал? Что с ним случилось? – Вот вопросы, которые так и останутся для нас без ответа. И сколько людей таким же образом проходит по жизни: одиноко и мимо?

Про лису Ташку и волчонка Пуха

(сказка для взрослых)

В одном далеком-далеком диком-диком лесу, раскинувшись на большие-большие пространства, жили-были лиса по имени Ташка и волчонок по имени Пух. Что за чудные это были звери! Лиса Ташка была настоящей рыжей красавицей: ее пушистая шубка переливалась и колыхалась на солнце подобно шелковым платьям самой прекрасной в мире принцессы, ее лапки были аккуратненькими и быстрыми, ушки тонкими и наостренными, носик маленьким, а глаза искрились умом и хитростью, которые всегда свойственны лисичкам.

Волчонок Пух был... забавным, смешным и пушистым. Он весело бегал по лесу, вместе с лисой охотился на зайцев, играл с ней в разные звериные игры, а иногда... иногда они вместе уходили от погони, если людям вдруг случалось устраивать охоту в этом лесу. Тогда им всегда помогали Ташкина хитрость и зубы волчонка Пуха. Никто не мог поймать их вдвоем. Всегда они помогали друг другу и удачно избегали опасности. Всегда поддерживали друг друга в желаниях, стремлениях и начинаниях. Делили друг с другом последнего зайца и всячески старались заботиться один о другом: готовили друг другу по утрам чай с малиной, которую брали у мишки Тотошки, стремились порадовать один

другого каким-нибудь неожиданным подарком или блюдом, укрывали друг друга теплыми осенними листьями, когда холодные ветры продували лес насквозь и залетали в их норы. Ташка и Пух всегда были вместе: лапа к лапе – и обща шли они по жизни, существуя один для другого и растворяясь друг в друге. Пух любил смотреть на мир глазами лисички, а она наблюдала мир с точки зрения Пуха; они по-разному видели лес, но, смотря на него вместе, могли охватить все его многообразие. Они дополняли друг друга и образовывали идеальную пару лесных жителей.

В один теплый летний день, когда солнце с улыбкой плыло по ярко-синему небу, а легчайший ветерок гулял по лесной опушке, лисичка и волчонок сидели у старого необхватного дуба, прислонившись друг к другу и иногда чуть соприкасаясь носами.

– Мне нужно ненадолго, совсем на чуть-чутьочку, сбегать в соседний лес, – говорила лисичка, глядя в глаза Пуха и поглаживая его лапкой по лапке. – Ты даже не заметишь мое отсутствие. Это будет просто: фьють – и я уже здесь. Ты даже вздохнуть не успеешь, Пушик...

– Я уже вздохнул, – грустно произносил Пух, опуская взгляд и стараясь не показывать своих чувств.

– Ну, пойми, Пушик, мне действительно очень надо, – продолжала лисичка. – Это так необходимо, что я даже просто не знаю, как тебе объяснить. Я сама очень-очень не хочу с тобой расставаться, но это так необходимо, так важно...

– Я понимаю, – покорно говорил Пух и смотрел на колышущуюся на ветру травку.

– И, несмотря на расстояние, я всегда буду с тобой: ты ведь всегда в моем сердце, ты часть меня – и поэтому никто не может нас разделить. Никто и ничто, – лисичка пыталась заглянуть в глаза Пуху и успокоить его настолько, насколько это возможно.

– Мы одно целое, – повторял Пух, не желая выпускать лисичкину лапу.

– Ты же отпустишь меня, отпустишь? Ты же сможешь подождать меня? Я, правда, быстро-быстро... Только ты

увидишь кончик моего хвоста, как вместо него уже будет возвращающаяся мордочка, – спрашивала Ташка и сильно-сильно стискивала лапу Пуха своими лапками.

– Ты должна идти, раз так надо... Но я буду тосковать по тебе. Мне будет не хватать тебя так, так... так, как воздуху не хватает, чтобы жить, вот! – сказал Пух и плотно-плотно прижался к Ташке. И долго не могли они оторваться друг от друга, несмотря на то, что солнце уже прошло дугой по синей небесной бездне и начало клониться к земле. Но никто не мог отпустить другого. Волчонок и лисичка не могли отойти друг от друга.

Но все же она убежала...

Солнце погасло для Пуха. Он ходил по тому же лесу, тому же ярко-зеленому, полному жизни лесу, в котором все жило, бегало, пело, кричало, шуршало, щебетало и гомонило, заливалось солнцем, обдувалось ветром и дышало летом. Он ходил по тому же лесу, но его лес стал скучным. Его не интересовали ни птички трели, которыми он раньше заслушивался, ни игры с друзьями, которые раньше приносили ему столько радости и сил. Волчонок не ощущал греющих летних лучей, потому что чаще уходил в тень и не видел солнца, потому что его солнце пропало, и он все больше смотрел на землю. Даже зайцы обнаглели настолько, что пробегали мимо волчонка, играли у него перед глазами, а он никак не реагировал на них. Волчонок худел, слабел. Он каждый вечер бродил по тем местам, где им было так хорошо с лисой Ташкой, и целые дни проводил под тем дубом, где они расставались, глядя в том направлении, откуда должна была появиться его подруга.

Иногда волчонок засыпал днем, и сквозь сон ему казалось, что лисичка возвращается. Он вскакивал на ноги, с радостным повизгиванием мчался ей навстречу, но потом разочарованно плелся обратно на покинутое ложе.

А ночами он долго и пронзительно выл на Луну...

Волчонку было очень и очень грустно без своей лисички. Так грустно, что он не видел никакого смысла что-то делать

и чем-то заниматься. Только удивлялся, глядя на то, как другие предаются заботам и радостям.

И вот именно в это-то время в лесу появились опасные и опытные охотники Дык и Тык. Много уже лесов прошли они. Много животных поймали в свои ловушки. Ведь дело в том, что Дык и Тык не убивали зверей, а ставили на них капканы и сети, чтобы зверек попался, и его можно было живым продать куда-нибудь в город для цирка или зоопарка. Или даже в частные руки какому-нибудь любителю диких животных.

И вот Дык и Тык оказались в том самом диком лесу, где в таком грустном настроении бродил Пух. Волчонок вовремя не обратил внимания на тревожные предупреждения птиц, на то, как бегали и укрывались другие лесные обитатели. Его не интересовало происходящее вокруг него. Он слишком поздно понял, что в лесу есть чужие, и что эти чужие опасны, что они охотятся. Он понял это, когда Дык и Тык сами высмотрели пушистого волчонка и решили, что именно такого зверька им удастся выгодно продать какому-нибудь покупателю.

Они пустили на волчонка собак и стали преследовать его, загоняя в свои ловушки. Метнулся волчонок, попытался было убежать и спастись от недобрых охотников, но не было с ним лисы Ташки, с ее спасительной хитростью; не было у него уже прежних сил, потому что ел он в последние дни мало, если вообще ел что-нибудь; да и большого желания спастись у него тоже не было – все казалось волчонку серым и бессмысленным. Поэтому и попался он в руки Дыка и Тыка. Набросили они на него специальную сетку, затянули петли, накрыли толстыми одеялами и утащили из лесу в свой крепкий-крепкий дом.

А в это время лиса Ташка стремительно бежала в родной лес. Важные у нее были дела в другом лесу. Необходимо ей было проведать сестричку-лисичку, принести ей вести про свое житие-бытие, узнать все новости. Но все время думала она о волчонке, все время старалась как можно скорее воротиться к нему и расстояния из одного леса в другой преодолевала очень и очень быстро. Так быстро, что даже

похудела лисичка, и ее шелковистая шерстка несколько поблекла. Уже почти вбегала она в родной лес, когда сердце ее тревожно забилось и почувствовало недоброе. Странное что-то не давало ей покоя. Ужасное предчувствие гнало ее вперед все быстрее и быстрее.

Вбежала лисичка в родной лес и почувствовала: что-то не так в лесу – тишина какая-то непривычная, вся лесная братия куда-то попряталась, и только ветерок гуляет по верхушкам деревьев. Бежит лисичка, волнуется, удивляется, куда все подевались. Семенит она по знакомым местам к норе Пуха, торопится. Думает, может, встретит его где-нибудь дорогой, но не видит, волнуется. Подбежала к норе, постучалась – тишь-тихая. Открыла дверку, забралась внутрь – пустым-пусто, будто и не живет там никто уже сотню лет. Только одна ее собственная фотография, сделанная каким-то неизвестным фотографом, смотрит на нее со стенки искорками глаз.

Побежала лисичка в свою норку – а вдруг волчонок там? Но и там его нет – чистота и покой в ее лисьем домике.

Сбегала лисичка и на опушку – никого. Промчалась по всем местам, где любили они гулять и разговаривать – нет нигде волчонка.

Добежала она до его стаи – никто его не видел, но рассказали ей, что чах он и совсем плох стал без нее, что ходил по лесу сам не свой – потерянный; что играть не играл, есть не ел, а только смотрел вдаль ждущими глазами и выл на Луну долгими ночами. И ничто не могло его заинтересовать или развлечь.

Бегает лисичка по лесу: туда-сюда, сюда-туда, нигде волчонка найти не может, беспокоится. Сама ничего не ест, не пьет, вся уже пыльная стала от дороги и поисков. Спрашивает то здесь, то там. Говорят ей мишки, что в лесу охотники были, сказывают ей белки, что они на волков охотились, говорят ей птички, что поймали ее волчонка и вон туда уволокли, и показывают за тридевять земель на юг.

Мчится лисичка что есть сил к югу, торопится если не догнать, то найти волчонка. «Как же так ты, зубастый, не

отбился? Как же так ты, быстроногий, не умчался? Что ж ты, крепкогрудый, дал поймать себя?» – думает лисичка и бежит, бежит, бежит к югу.

Закончился лес. У края леса деревня стоит. Людей – тьма-тьмушая. А может и не тьма, но лисичка раньше людей только по одному, по двое видела – мало людей в их стороне леса бывало. А тут... тут: ой, как много людей. Страшно. Спряталась лисичка в кустах на краю леса, сидит, наблюдает за деревней. Птички к ней от деревни прилетают, рассказывают; высматривают они охотников, где живут да чем занимаются. Большой у них дом, говорят, забор высокий, сплошной – досочка к досочке приколочена, не пробраться, не забраться.

Сидит лисичка в кустах, думает, что делать ведь не ведает. А как стемнело, пошла на разведку. Бежит вдоль кустов да деревьев, оглядывается, прислушивается, к земле прижимается и всего пугается. А в домах где-то свет горит, где-то голоса людские слышны, собаки лают – вся дрожит лисичка от страха, но бежит вперед, не хочет думать об опасности.

Добежала она до дома охотников, обожала его кругом – крепость. Ни забраться, ни подобраться. Как туда попасть – непонятно. А тем временем всходит Луна над деревней, и слышит лисичка грустный-грустный, душу вытягивающий вой волчонка. Слышит она вой его и мечется, не знает, что сделать. Затявкала она, заскулила как можно громче, чтобы дать волчонку знать, что она рядом. Услышал Пух своим острым слухом знакомый голос – обрадовался! Залаял, приветствуя лисичку. Рассказал он ей, что сидит в сарае, что сидит на цепи, что похитили его злые люди, но главное, главное, рассказал он ей, как он скучал по ней и как рад ее возвращению.

Долго жила лиса Ташка в деревне, прячась по кустам на кромке леса или рядом с домом охотников днем и ночью. Какие только варианты не перебирала она в уме, чтобы спасти волчонка Пуха из заточения, о чем только не думала.

А Пух, по другую сторону забора, беспокоился за свою лисичку, ел за двоих и креп, и каждый миг что есть сил пытался

вырвать свою цепь из деревянной стены, и каждый день, когда не мог переговариваться с лисичкой, старался выгрызть дерево вокруг цепи, где она к стене прикрепляется.

И вот однажды, когда один из охотников пришел кормить Пуха и оставил дверь открытой, волчонок что было сил рванулся и сорвал цепь. Как бешеный, помчался по двору, гремя за собой сорванной цепью. Выбежал за ним охотник, но догнать и не мог, и не решился. А Пух увидел высокую собачью будку, со свирепым рыком разогнался, прыгнул на будку, перепрыгнул забор и был таков. Только пыль столбом, как он бежал к лесу; и ни выбежавшие охотники, ни спущенные ими огромные собаки не могли его догнать.

Стрелой вбежал Пух в лес. Только и гавкнул лисичке: «Бежим!». Как помчались они по лесу быстрее ветра, так что быстро стало ясно охотникам, что всякая погоня бесполезна, что убежал от них волчонок, высвободился.

А поздним вечером лисичка перегрызала волчонку ошейник, чтобы освободить его от волочащейся за ним цепи, и говорила:

– Пуша, я больше никогда-никогда не оставлю тебя одного. Я поняла, Пушик, как опасно оставлять одиноким самое дорогое тебе существо. Насколько легко может случиться непоправимое. Как просто можно потерять близкого – моментально, и как невероятно трудно, а может, и невозможно, бывает вернуть его обратно. Жизнь так непредсказуема, так переменчива... Она ничего не гарантирует и, давая одно, часто тут же отбирает другое. И только старая дружба – это тот островок в жизненной буре, который нужно сохранять, оберегать и поддерживать. Мы ведь самое ценное, что есть у нас. Мы, можно сказать, существуем друг для друга и друг в друге. Без тебя меня нет.

– И меня без тебя, – вторил счастливый волчонок.

– И никого и ничего нет, если нас с тобой нет, – продолжала лисичка. – И, я думаю, теперь мы всегда-всегда будем вместе, вот так вот, как сейчас, лапа к лапе, бок к боку и мордочка к мордочке...

И лисичка лизнула волчонка по носу.

Марк Куликов

Старик

Со мной на этаже живёт старик. Не то чтобы совсем старый и худой, какого вы могли сейчас себе представить, но и не в расцвете сил. Ходит всегда в одном и том же костюме: старый темно-зелёный пиджак, брюки, такого же цвета, и мутно-желтая рубашка. Разумеется, на его пенсию нельзя разжиться модными вещами из торговых центров. Хотя он, наверное, даже и не знает об их существовании, и в этом, пожалуй, его свобода.

Ростом он чуть ниже меня, да и в весе, я думаю, не сильно отличается. Старики зачастую худы, но этот, сколько я его помню, – всегда был не тощим и не толстым. Родился он, наверное, лет через десять-двадцать после создания СССР, пережил войну. И знает жизнь лучше, чем мы с вами.

С ним живёт старушка, точно такого же возраста, как её муж. Я много раз слышал, что люди, которые проводят вместе много времени, становятся похожими друг на друга. И знаете, по всей видимости, они вместе со школьной скамьи...

Он более приветливый, чем его жена. Когда я вижу их в подъезде или около дома, всегда здороваюсь:

– Здравствуйте!

– Здравствуй, здравствуй, – отвечает старик. И потом ещё пару раз повторяет это приветствие себе под нос.

А старушка даже не поднимает на меня глаза. Я не расцениваю это, как гордость или неприязнь. Я не знаю причину, но в любом случае – ей это простительно, и моего уважения она не теряет.

Их волосы белее снега, зимним холодным утром укрывающего наш двор. Их движения медленные, но в своём смысле мудрые, ведь лишнего при своём опыте, они точно не сделают. Добрее их душ только их глаза. В них мудрое спокойствие. Такое вряд ли где можно увидеть, помимо стариковских, всё на свете знающих, глаз. А добрее душ они

только потому, что их видно. И, конечно же, эти старики знают не все на свете. Но я уверен, что если бы я рассказал им о своих проблемах, то они бы громко рассмеялись, а я, увидев это, рассмеялся бы вместе с ними.

Когда мой отец выпивал, я не всегда находился дома. Потом, когда я приходил, мы частенько беседовали с ним. И однажды он рассказал мне, как вышел в подъезд и встретил старика-соседа. После приветствия, дедушка начал плакать.

Отец рассказал мне это мимоходом и сам тут же забыл, а я помню спустя годы. По какой-то неизвестной причине меня это тогда очень сильно задело. Да, разумеется, это стыд. Но почему это так плотно засело в моей памяти? Почему пьян был мой отец, а стыдно до сих пор мне? И всякий раз, когда я вижу этого милого деда, я вспоминаю о том столкновении абсолютно разных людей, которое довело старика до слез. Безусловно, если бы мой отец вспомнил это на трезвую голову, ему бы тоже было стыдно, но факт того, что он просто удивился и пошёл дальше беспорядочно скитаться по пространству, заставляет меня стыдиться ещё больше.

Сегодня я столкнулся со стариком около подъезда. Я придержал ему дверь и подождал у лифта. Был жаркий весенний день. Середина апреля, а температура по-настоящему летняя. Спина была мокрой, но я все равно прислонился к стене, чтобы ни в коем случае не стеснять старика в движениях. Я знал, что сейчас из своего тряпичного старого пакета он будет доставать ключи от квартиры.

Всякий раз, когда я здороваюсь с ним, наши взгляды пересекаются, но во все остальные моменты, я стараюсь не смотреть ему в глаза. И даже я сам не сразу понял почему.

– С учёбы?

– Нет, – ответил я.

– Суббота? – спросил старик.

– Суббота, – на выдохе сказал я, стараясь смотреть в стену, а не на его лицо.

– Работаете?

– Нет, в школе ещё, – застенчиво ответил я.

– А, школа... Школа... – тихо сказал он, выходя из лифта.

Наверное, сейчас он вспомнил, что-то из своей школьной жизни. И я, кажется, напомнил ему сейчас о чем-то хорошем.

Зайдя в квартиру, я снял кроссовки, футболку и завалился на кровать. Я упал на спину и задал себе вопрос: все же почему я не смотрел ему в глаза?

Мне просто было стыдно. И раньше было стыдно. И сейчас стыдно, если быть честным. Я живу в 2016 году, у меня есть всё необходимое для жизни и даже больше, а человек, благодаря которому я живу сейчас именно в этой стране, время от времени роется в мусорном баке, около дома, в поисках вещей. Я считаю, что мне живётся плохо, а он, я уверен, что ему живётся хорошо. Насколько же наше поколение превратилось в неблагодарных ублюдков?

Я в своей жизни делал много постыдных вещей, за которые время от времени меня грызёт совесть, но это проходит быстро. А в данном случае это продолжается уже не один и не два года. Мы начинаем унывать от того, что пиццерия закрылась, и мы не успели взять любимого лакомства. А старики роются в мусорных баках в поисках просроченных фруктов, выброшенных расположенным рядом продуктовым магазином! Подобные вещи просто сводят меня с ума.

Наверное, это странно, что именно старые люди пробуждают в моем сердце такое мощное сострадание, от которого я готов рвать и метать их обидчиков. Это странно и непонятно, но я понимаю, почему этого чувства нет у других. Они очевидно не думают, что тоже станут стариками.

Михаил Булатов

Другие

(главы из повести)

Интермедия. Неудачливый браконьер

Этот участок леса был Леониду не знаком, или он уже ничего не понимал. «Не паникуй, как баба, черт возьми!» – твердил он себе, но все равно паниковал. Дыхание вырывалось из груди с хрипом, и едкий пот заливал глаза. По бедру при беге колотился тяжелый карабин «сайга», доставшийся ему от отца. Леонид затравленно оглянулся на заросли, взял в руки оружие, приложил приклад к плечу. Раздался выстрел, и где-то в чаще вспорхнули птицы. «Это должно помочь, – подумал охотник, – хотя бы ненадолго, но должно помочь». Леонид побежал дальше. Видит Бог, он лучше соображал даже тогда, когда полтора года назад Росгвардия едва не взяла его за браконьерство. Сумерки делали лес обманчивым, очертания предметов размывались. Леонид клял себя за то, что вот уже полгода игнорировал необходимость обратиться к окулисту. Зрение начинало его подводить.

Большую часть снаряжения Леонид бросил, иначе бы он просто не смог бежать. Интуитивно мужчина понимал, что если двигаться на запад, то рано или поздно он должен выйти к трассе. Это все, на что он мог надеяться. Браконьер то и дело крутил головой на короткой массивной шее, высматривая кого-то в зарослях.

Леонид зацепился сапогом за выступающий корень, взмахнул руками и упал. Из разбитого носа хлынула кровь, но браконьер этого даже не заметил. Не без труда поднялся. У него были заботы поважнее – унести ноги, и как можно быстрее.

– Ничего, – думал Леонид, – дайте только время, и я вернусь. Вернусь сюда уже не один, и тогда мы посмотрим, кто обделается. Да, посмотрим!

Эти мысли немного приободрили его.

Внезапно ему показалось, что он услышал шум машин, и сердце радостно подпрыгнуло в груди. Значит, он почти спасен! Не разбирая дороги, начал, как кабан, продираться сквозь чащу на далекий шум трассы, и в этот момент его правая нога попала в капкан, который поставил здесь какой-то другой любитель наживы.

Вначале он услышал жуткий хруст, как будто сломалась толстая сухая ветка. Капкан чудовищными челюстями схлопнулся. Леонид упал в заросли папоротника, еще не сознавая всей зловещей иронии ситуации. Потом пришла боль, настолько сильная, что браконьер едва мог дышать. Думать он уже был не в состоянии, на его военных брюках цвета хаки расплзлось позорное мокрое пятно. Леонид начал кричать, и его высокий надсадный вопль ничем не отличался от крика животного, пойманного в ловушку.

Андрей возвращался с вечернего обхода, когда услышал вдалеке крик. Вот уже семь лет он проработал лесничим в этом заповеднике. Лесничий знал об этом лесе все. Иногда даже больше, чем сам хотел бы о нем знать. Браконьеры сюда забредали редко, а когда такое случалось, Андрей находил способы их выпроводить. Ветеран первой чеченской военной кампании, в начале нулевых Андрей устроился на эту работу и делал ее хорошо. Растяжки со световыми гранатами, в качестве небольшого сюрприза для любителей нарушить закон, были только цветочками.

Андрею нравилось жить вдали от людей. Здесь, на природе, он знал наверняка, что не начнет их убивать. В городе же у него был слишком большой соблазн. Андрей не любил, когда кто-то нарушал спокойствие леса. Конечно, кричать мог и олененок, угодивший копытом в нору и сломавший ногу. Но чем ближе Андрей приближался к источнику звука, тем менее вероятной казалась ему эта версия. Слишком много подобных криков он слышал на войне. Снял винтовку с предохранителя и включил фонарь.

То, что он увидел, не сильно удивило. В зарослях папоротника лежал мужчина, угодивший в капкан. Окровав-

ленная берцовая кость торчала в открытом переломе. На лбу и щеках мужчины выступил пот, лицо его сделалось бледным, как у глубоководной рыбы. Так же, как и рыба, он жадно ловил ртом воздух. Когда мужчина увидел Андрея (вероятно, увидел он только черный силуэт с яркой звездой фонаря в руке), он попытался отползти. Попытался, даже несмотря на то, что его правая нога была практически перерублена капканом. «Да, козлик, не скакать тебе больше по зеленой лужайке», – подумал Андрей. Но прежде чем успел что-либо сказать, говорить начал браконьер. Тонким голосом, срывающимся на рыдание, он спросил:

– Человек? Ты человек? Пресвятая Троица, скажи, что ты человек! – слова давались ему с большим трудом.

– Да, я человек, – ответил лесничий и задумчиво продолжил разглядывать браконьера. В его глазах не было ни жалости, ни сочувствия.

– Вытащи, вытащи меня! Вытащи, пока они не вернулись! Я заплачууууууу! – на последнем слове мужчина снова перешел на вой. Андрей слушал его вполуха и водил фонариком туда-сюда, осматривая место, где бедолага совершил свой неудачный шаг. Быть может, капкан здесь не один, и меньше всего лесничему хотелось бы присоединиться к мужчине с перерубленной ногой. На некоторое время Андрей остановил свой взгляд на карабине, который валялся неподалеку. На цевье была вырезана сентиментальная надпись: «Удачи на охоте, сынок». Андрей вздохнул, а потом поднял свою винтовку.

«Да, удача сегодня явно не на твоей стороне», – подумал он и точным выстрелом прекратил мучения браконьера.

Истории про мясокомбинат

Звонила мама. Она интересовалась, хорошо ли я доехал, удобно ли устроился, доволен ли едой. Впечатление складывалось такое, будто я отправился на отдых в санаторий.

– Мама, все в порядке. Да, природа. Очень красиво. Конечно, буду звонить. Да, просто не слышал твоего звонка.

Нет, буду звонить сам, по вечерам. Мне пора. Пока! – я с облегчением провел пальцем по экрану, завершая звонок.

Перед тем, как отправиться собирать материал для практики, Вовка залез в рюкзак и извлек оттуда кастет.

– Талисман на удачу, – пояснил он мне, – думаю, лишним не будет.

– Неожиданный талисман для парня, который учится на филологии, – заметил я.

Вовка только фыркнул:

– А как же Маяковский, который говорил... как там... «Сегодня надо кастетом миру кроиться в черепе». Классика, – пояснил он и положил увесистый талисман в карман.

Кастет, впрочем, нам в тот день не пригодился. Не знаю наверняка, чем были заняты местные пацаны, которые не жаловали приезжих, но наши с ними пути не пересеклись. Я не очень хорошо представлял себе, как нам следует собирать материал для практики. Все, что касается общения с другими людьми, у меня получалось не лучшим образом. Однако у рыжего однокурсника таких проблем не возникало. Едва мы вышли, он заметил мужика, который тащил на спине тяжелый на вид рюкзак, в руке у него была телескопическая удочка, на ногах – резиновые сапоги до колена.

– Добрый день! – Вовка лучезарно улыбнулся. – Давайте так – мы поможем вам, а вы нам!

– Это как? – насторожился рыбак.

– Мы с другом филологи, собираем материал для практики. Вы нам расскажете пару-тройку местных баек, а мы донесем все ваше снаряжение, куда скажете!

Я отметил этот речевой оборот: «Мы с другом». Это было неожиданно. Впрочем, Вовка мог сказать это и просто так, для того чтобы у рыбака не возникло лишних вопросов. Вряд ли бы он стал говорить: «Мы с этим очкастым парнем, которого я едва знаю, были сосланы в вашу деревню, чтобы слушать и записывать разные бредни». Рыбак согласился.

Мы помогли донести его рюкзак до реки. Я взгляделся в очертания на другом берегу, которые еще вчера привлекли мое внимание:

– А что там?

– Там-то? – мужчина наморщил нос, – скотобойня тама. Раньше то есть была, теперь ничего нет. А раньше это было... Производство.

– Свинина, говядина? – полюбопытствовал Вовка.

– И свинина, и говядина, и... кое-что еще, – рыбак усмехнулся, и начал возиться с удочкой. Возле реки нас уже начали донимать комары. Я незаметно вытащил диктофон и включил его.

– Рассказывали мне про этот завод вот что. После войны, в пятидесятых годах, со всей страны собирали мясо и другие продукты... Голод был страшный, скотины не хватало. И мяса надо было много... А откуда взять-то? Вот и придумал тогдашний начальник мясокомбината интересную штуку. У всех, значит, показатели на нуле, а он молодец, парное мясо в столицу поставляет. Потом только выяснилось... О, смотри-ка! Клюет!

Мужчина начал подсекать, дернул удочку, и серебряная монета подъязка взметнулась в воздух, но рыбка не удержалась на крючке и упала с плеском обратно. Рыбак выругался и вновь закинул удочку.

– Сейчас там, наверное, территория охраняется? – спросил я.

Рыбак усмехнулся в усы.

– Может, и не охраняется, но ходить туда я бы на вашем месте все равно не стал. Мало ли, что можно подцепить на бывшей скотобойне.

Мы еще немного поговорили с ним, пока Вовка не вспомнил, что по дороге к речке приметил заросли конопли и хотел бы изучить их более подробно.

...Рыбак сразу посерьезнел, когда двое парней оставили его в покое. Ведь о заброшенном мясокомбинате он знал намного больше.

Деревенский дурачок

Вечером того же дня Николай Анатольевич шел, обхватив тощие плечи в клетчатом пиджаке, будто ему стало хо-

лодно. На самом же деле он испытывал страх, потому что должен был кое-что сделать. Его сознание прояснялось редко, но каждый раз к нему в голову приходила одна и та же навязчивая мысль. Он должен попросить прощения. Чувство вины грызло его изнутри, как болезнь, все эти годы. Местные знали Николая под другим именем. Они называли его Коляша.

Некоторые прежние привычки Николая Анатольевича сохранились и в жизни деревенского дурачка Коляши. Так, например, он не выходил из дома в грязной обуви и спину всегда держал прямо. Правда, костюм, который когда-то был сшит на заказ, сейчас истерся и сидел на Коляше, как на скелете. Глаза его временами вспыхивали, и он начинал выкрикивать: «Чрезвычайная ситуация». Иногда такие приступы проходили сами. Иногда – нет. Отчего они возникали, дурачок вспомнить не мог. Коляша жил со взрослой дочерью, Натальей, которая развелась два года назад и переехала в деревню, чтобы присматривать за отцом.

Николай хватался, точно пловец в бурном море, за мысль об искуплении. Порой он забывал, куда идет, и останавливался посреди улицы. На него не обращали внимания. Он не знал, что на следующий день все будут говорить только о нем. Коляша шел в лес.

Необычное происшествие

Дичка, которую Вовка заметил возле реки, ни на что не годилась. Несмотря на это, мы нарвали спелых шишек, растерли их между ладоней и нюхали приятный травяной запах. День клонился к вечеру. Я заметил ковыляющего дурачка, но не придал этому никакого значения. На этот раз он не пытался перегородить нам дорогу. Вовка вытер ладони о джинсы и спросил меня:

– Ну и что ты обо всем этом думаешь? Тянет тот материал, который мы собираем, на фольклор?

Я отрицательно покачал головой.

– Больше похоже на байки из склепа. Бред какой-то.

У нас в запасе, впрочем, еще было время. Мы спокойно вернулись в дом Авдотьи Никитичны, поужинали и легли спать. Засыпая, я думал о Маше, кудрявой черноволосой однокласснице. У нее были смешливые глаза и полные губы, которые она облизывала, когда начинала волноваться. А еще у нее имелась грудь, как минимум четвертого размера, которая едва не разрывала облегающую блузку. Когда я уже провалился в сон, в котором Маша начала раздеваться, чья-то грубая рука выдернула меня в реальность.

– Эй, Михалыч, просыпайся. Вставай, а то пропустим все самое интересное!

Надо мной нависло бородатое Вовкино лицо.

– Какого черта? Зачем ты меня разбудил? – я начал злиться. Голова у меня была тяжелой и ничего не соображала.

– Наша старушка куда-то собралась. Я не мог уснуть, а потом услышал, как хлопнула дверь. Как ты думаешь, какие дела могут быть у пожилой женщины в три часа ночи?

В тот момент мне было наплевать, какие могут быть дела у Авдотьи Никитичны. Мне не терпелось вновь обнять подушку и уснуть. И, чего уж греха таить, досмотреть продолжение сна. Но рыжий дьявол был беспощаден. Он стянул с меня одеяло, кинул футболку и сказал:

– Пошли. Это может быть интересно.

Я тяжело вздохнул и быстро оделся. От речки поднялся туман. На улице было темно, тихо и холодно. Я пожалел, что оставил ветровку в доме, но возвращаться за ней было уже поздно.

– Кажется, мы ее упустили... – начал было я, но Вовка прижал палец к губам и указал вперед. Зрение у него, в отличие от моего, было хорошим. Приглядевшись, я тоже заметил, что там крадется темная фигура. И мы пошли следом.

Долго идти нам не пришлось. Вскоре мы поняли, куда направляется Авдотья Никитична. Старушка шла в направлении темного строя деревьев. Мы с Вовкой притаились в кустах и наблюдали. Я не знал, откуда у одноклассника страсть

к детективным расследованиям, но меня тоже все больше разбирало любопытство.

Нам приходилось держаться в отдалении, чтобы нас не заметили. Туман мешал наблюдать, а когда у нас над головой крикнула птица, я едва не закричал сам. Сонливость как ветром сдуло.

– Смотри, там еще кто-то есть! – шепнул Вовка мне в ухо. Я пригляделся, и действительно, увидел человека. Мужчина стоял на опушке, Авдотья Никитична напротив, они о чем-то разговаривали. Может быть, даже спорили. В руках у старушки, кажется, был какой-то сверток.

– Это же дурачок! Тот самый, которого мы встретили! – изумился Вовка. Я поверил ему на слово и пожалел, что мы не можем услышать разговора. Старушка махала свободной рукой, будто прогоняя дурачка, и тот, в самом деле, развернулся и пошел прочь, притом прямо в нашу сторону. Авдотья Никитична тем временем растворилась во мгле между деревьев.

– Твою мать! – выругался Вовка шепотом, и мы быстро попятнулись, надеясь, что нас не заметят. Нам это удалось, дурачок едва волочил ноги. Мне показалось, что он чем-то очень расстроен.

... Не прошло и получаса, когда мы добрались до нашего временного жилища, но сон ко мне так и не пришел. В голове крутилось два вопроса, причем один следовал из другого – почему Авдотья Никитична советовала нам держаться подальше от леса, и зачем старушка отправилась туда сама, притом ночью? Впрочем, утро следующего дня породило новые вопросы. Куда больше, чем мы могли ожидать.

Время обеда

Андрею, как лесничему, разрешалось отстреливать определенное количество дичи под собственные нужды, и он никогда не брал у леса слишком много. Этот растяпа браконьер заставил его потрудиться, однако на следующий день Андрей проснулся бодрым и отдохнувшим.

Лесничий вышел на охоту рано утром. Андрей хранил одежду, в которой выходил на охоту, вместе с еловыми ветками, чтобы звери не учуяли его запах. Обоняние у них было гораздо лучше зрения. Мягко ступая по хвойнику, Андрей подобрался к небольшому ручейку, возле которого было немало оленьих следов. Лесничий остановился метрах в пятидесяти, лег в засаду и достал манок. Громкий звук прозвучал в лесу, и где-то в отдалении, как показалось Андрею, он услышал ответ. Теперь оставалось только ждать.

Через час Андрей увидел, как к ручью подошел совсем олененок. Лесничий положил на спусковой крючок указательный палец. Именно этот краткий миг нравился Андрею больше всего. Миг перед тем, как живое станет мертвым. В этот миг он чувствовал настоящую власть. Олененок начал растерянно оглядываться в поисках источника звука. И тогда Андрей выстрелил.

Пуля вошла животному в шею. Олененок дико закричал и захлебнулся кровью. Он бросился обратно, под спасительные кроны деревьев, но Андрей знал, что далеко олень убежать не сумеет. Можно было не торопиться.

Лесничий подошел к умирающему животному. В глазах олененка был ужас, на черных губах клочьями висела кровавая пена. Андрей покачал головой и достал длинный армейский нож. Старый и верный друг, который не дает осечек. Какой-то краткий миг Андрей смотрел на олененка, а затем присел на корточки и коротким выверенным движением перерезал ему шею. Кровь волной выплеснулась ему на руки, и бывший военный почувствовал возбуждение. Просто ему нравилось убивать.

... Едкий пот заливал глаза, когда Андрей вышел на место, приметное ему по древнему раскидистому кедру. Под его тяжелыми ветками всегда было темно, как ночью.

– Эй, кушать подано! – прокричал он, и бросил тушу животного на землю, после чего сразу пошел прочь. Нет, он не боялся. Просто ему не нравилось смотреть на тех, кто выходит из леса.

Подземная лаборатория

– Образцы недостаточно чистые, – недовольно сказал Николай.

Вот уже семь месяцев он вместе с командой лучших ученых-биологов торчал в этой тесной лаборатории, которая располагалась под прикрытием мясоперерабатывающего комбината. Шел 1957 год, международная обстановка немало потеплела, но о завершении холодной войны не было и речи. Распоряжения, которые приходили сверху, часто были противоречивыми. Все шло вкривь и вкось, и у Николая было такое чувство, что скоро вся их работа перестанет быть кому-то нужной. Он не сомневался в том, что по всей огромной стране было разбросано немало таких заводов, в недрах которых велись разработки оружия массового уничтожения.

Им не хватало финансирования, Николай не мог поручиться за то, что скотомогильники с трупами животных, на которых испытывались разработки, были в достаточной мере надежными. Многие из ученых неделями не выходили на солнечный свет. Все работали в условиях повышенного напряжения и секретности.

Уже прошли успешные испытания межконтинентальной баллистической ракеты, которая сумела бы доставить ядерный заряд прямиком к Белому дому. Но здесь, в глубоких подвалах комбината, Николай с командой разрабатывал кое-что другое. Кое-что значительно хуже.

Чрезвычайная ситуация

Это должно было произойти, рано или поздно. И когда это произошло, Николай не удивился. И, что важнее, не растерялся. На этот случай у него была специальная директива руководства. Красный индикатор на приборной панели мигал, и это могло означать только одно – что-то пошло не так. Они работали, послав ко всем чертям безопасность. Им нужно было показать результат, а когда сроки поджимают, слишком велика вероятность ошибки. И она произошла.

– Чрезвычайная ситуация! У нас чрезвычайная ситуация! – кричал какой-то молодой лаборант. Его голос был слышен в динамиках, которые выходили в рубку, откуда осуществлялся контроль. «Как его зовут? – подумал Николай, наблюдая за всем из-за толстого трехслойного стекла. – Впрочем, не важно. Уместнее было бы спросить – как его звали?». Потому что все они, согласно директиве партии, уже были мертвы, хотя еще не знали об этом. «Быть может, у партии и на мой счет есть соображения определенного характера», – подумал Николай. Он вспомнил о своей маленькой дочери, которая осталась жить вместе с матерью. Потом, глубоко вдохнув, как пловец перед прыжком с вышки, он нажал на серую, неприметную клавишу на панели. Никаких скрещенных костей и черепов на этой клавише не было, и, тем не менее, Николай хорошо знал о ее назначении.

На входе в лабораторный блок были установлены двери, которые ничуть не уступали атомным дверям на секретном объекте ГТС825 в Балаклавской бухте. Эти двери весили не менее пяти тонн и приводились в движение десятью мощными моторами. Для того чтобы тяжеленные стальные створки полностью сомкнулись, требовалось около двух минут. И нажатием серой кнопки Николай привел этот механизм в движение, закупоривая подземную лабораторию. Намертво.

– На помощь! Помогите нам! У нас чрезвычайная ситуация! – надрывался голос в динамиках. К нему прибавились и другие голоса. В лабораторном блоке, нарастала паника, и Николай мысленно вознес молитву, благодаря Господа, что он здесь, а не там.

Моторы исправно работали, и двери, способные выдержать направленный удар крылатой ракеты, плавно и неотвратно захлопывались. Они скользили по вмонтированным в укрепленный пол рельсам. Ничто и никто не смог бы выбраться наружу. По крайней мере, именно так Николай думал в те секунды. После полной герметизации блока, повинувшись все той же правительственной директи-

ве, он был обязан пустить в блок смертоносный газ. Он надеялся, что смерть оказавшихся в ловушке людей будет быстрой.

К выходу из лабораторного блока шел длинный подземный коридор, освещенный лампами дневного света. Каждый раз, когда Николаю доводилось проходить по нему, у него возникали ассоциации с угрюмыми больничными коридорами, по которым возят пациентов на каталках. «И иногда их везут ногами вперед», – невесело усмехался начальник лаборатории. Вот что напоминал ему секретный подземный блок. Большой склеп, где они играли со смертью. И доигрались.

На черно-белых мониторах он видел, как люди из зала, где проводились исследования, метнулись в коридор. Изображение было не четким, но даже так он видел, как они толкают друг друга, как затаптывают упавших.

– Чрезвычайная ситуация! Помогите нам, здесь чрезвычайная ситуация! – кричал голос из динамиков. И он никак не замолкал. Парень продолжал звать на помощь все это время. Даже когда двери захлопнулись, и пошел газ.

Николай знал, что, вероятнее всего, никто из двадцати семи человек не успеет добежать до выхода из отсека. Но на тот случай, если это все-таки произойдет, у него тоже имелось распоряжение. Он подключился к радиосвязи и отдал приказ солдатам. Если бы кто-то успел преодолеть коридор, его бы встретили автоматные очереди.

Этот крик – чрезвычайная ситуация – будет сводить с ума Николая многие годы. Крик молодого лаборанта, чьего имени он не знал. И которого он убил. Как и всех остальных. Впрочем, Николай не мог поступить иначе. То новое биологическое оружие, которое они разрабатывали, могло натворить много бед во внешнем мире. Поэтому в случае, если в ходе исследований произойдет сбой, оружие надо запечатать в подземном саркофаге. Не оставив ни малейшего шанса на то, что бактерии поднимутся на поверхность. Но они поднялись.

ПОЭЗИЯ

Роман Поплавский

* * *

Сегодня ровно две луны,
Как мы расстались. Что же?
Кого винить? По полвины
У каждого, похоже.
Чуть больше, может, у меня,
Но не принципиально.

По-прежнему на простынях
Твой дерзкий запах в спальне.
Я две подушки на кровать
Бросаю, как обычно,
И на твою претендовать
Не смею, по привычке.

В моей упрямой голове
Ещё блуждает счастье:
Я режу яблоко на две
Примерно равных части.

И с каждым разом по чуть-чуть,
Борясь с самим собою,
Остатки памяти и чувств
Срезаю с кожурою.

* * *

Удивится жена, если я в разговоре
На особый, из детства язык перейду,
И представит внушительный ворох историй,

Как писал первый матерный стих на заборе
Мальчуган, не стесняясь, у всех на виду.

В подворотне не рос я, но малая площадь,
На которой ютилась семья впятером:
Мама, дядя, сестра, я, бабуля – полощет
До сих пор в моей памяти денно и ночью:
То погаснет, то вспыхнет далёким костром.

Я читал день-деньской всё подряд, и вначале
Бранных слов не водилось в моём словаре,
Но помалу словарный запас наполняли
Нецензурными фразами ссоры, скандалы
И ребята – друзья-недрузья – во дворе.

Каждый вечер, ворочаясь в тесной кровати,
Слышал я, как сосед на ребёнка орёт.
Забивая мне в уши бетонные сваи,
Где-то ниже врубали на всю «Вороваек»,
А за стенкою дядя включал «Depeche Mode».

* * *

Хотели, как всегда, а вышло – мырк.
И вот сидим: кто в шаге от тюрьмы,
Кто – от сумы, но выбираем сами
Из этой пары зол, хоть нелегко.
И стол дубовый гнётся под платком,
Наполненным ржаными сухарями.

А как иначе, если дальше мрак?
Точнее – мрык. На печь Иван-дурак
Забрался кое-как, тесня соседей,
И слышит всюду колокольный звон,
Но не поймёт, зовут ли на поклон,
Войну, поминки или на обедню.

Всё пасмурнее сводки новостей.
Как продвигаться в этой темноте
И как альтернативный путь нащупать?
Не по воде Христом – по льду шагать
И по старинке руки в прорубь – ать!
А вдруг там щука?

* * *

Я – неуклюжий табурет
из ДСП.
Я не силён в па-де-буре
и прочих па.
На четырёх своих кривых
с давнишних пор
из-под стола смотреть привык
я на танцпол,
где во всеобщей суете,
среди ножищ,
как кресло офисное, ты
кружишь, кружишь...

Я встать стараюсь, как в кино,
наискосок:
выпячиваю грудь смешно,
тяну носок
и жду, что ты подкатишь и –
по дереву стучу –
колёсиком моей ноги
коснёшься чуть.

* * *

Срослись берёза с елью
и ветками сплелись.
Посмотришь: в самом деле,
вот – хвоя, рядом – лист.

Не изменил ли где-то
вращенья шар земной? –
с иголки одета
берёза и зимой,
а ёлка, лишь нагрет
осенний перелом,
берёт займы багрянец
и щеголяет в нём.

* * *

Да, сказки далеко не те,
что помнит время оно,
но экскаватор, в темноте
похожий на дракона,
и великан подъёмный кран,
что, как пострел с биноклем,
весь день от утра до утра
заглядывает в окна,
и гном, оранжевый колпак
забывший на дороге,
и медный блеск рифлёных шпаг,
загадочный и строгий, –
твердят, собравшись в хоровод –
и сладки их посулы! –
что любопытный ум найдёт
чудесное повсюду.

Железнодорожное

За стенкой гам и тарарам –
то тут, то там, то тут, то там, –
на боковушке с утречка
играет пара в дурачка,
подобно оползнию в горах,
несётся с верхней полки храп.
Напротив тараторка мне
твердит о кризисе в стране,

о том, как горек честный труд,
когда повсюду вор и плут –
то там, то тут, то там, то тут.
А я поддакивать устал,
читать устал и спать устал –
то тут, то там, то тут, то там, –
совсем не голоден, хотя
пакетиками шелестят
и, словно пьяные, идут –
то там, то тут, то там, то тут, –
кто в обуви, кто босиком,
паломники за кипятком.
И тараторка, замолчав,
встаёт себе готовить чай,
и во внезапной тишине
я вижу сам себя в окне,
как будто нитями судьбы
соединённые столбы,
и так хочу по проводам
разрядом добежать туда,
где теплится в окне уют –
не тут, а там! не тут, а там! –
но тараторка тут как тут –
то там, то тут, то там, то тут,
то там, то тут, то там, то тут.

* * *

Уже умерил свой напор,
уже едва крадётся поезд.
В лиловых сумерках по пояс
гостеприимное депо.

Прямолинеен, строг и прост,
слегка фонарным светом тронут –
ступени к каждому перрону
спускает пешеходный мост.

От безысходности неон,
цветистых надписей заложник,
мигает и следит тревожно,
как самый первый – мой вагон,
едва не миновав вокзал,
встаёт.

Спускаюсь.

Вдоль вагонов
плетусь к мосту недоумённо
и заспанные тру глаза,
завидев, словно в мираже,
ступени в облачные кущи
и силуэты душ, идущих
на небеса на пмж.

Инна Ерофеева

Полночный суд

Час – и рассвет. Но полночный суд
Все рассудил неказисто.
Накроют – и в скорую не понесут
Тело мотоциклиста.

Суд этой ночью отнимет крик:
В роддоме не будет крика.
И ожидание станет вмиг
Кошмаром, а не интригой.

И после вина, в ночи городской
Злодеев приняв за принцев,
С рассветом уже не придут домой
Вчерашние выпускницы.

Суду нет дела, кем ты храним,
На паперти или у власти.

Однажды и над карандашным твоим
Именем
Будет
Ластик.

Пусть зима пожирает нас. Что с того?
Выбирайся из вороха скомканных одеял,
И назло пересудам завистников и врагов,
Будь уверен, что счастья декабрь не отменял.
Просто мир замедляется, солнце уходит вброд
По теплу океанов, по щиколотку в воде...

Каждый день начинает отсчитывать новый год.
Мы с тобой, каждый день просыпаясь, уже не те,
Кем мы были вчера. Относительность – наше все:
Нет добра или зла, нет зимы или лета. Я
Представляю, как текст мой галактику пересек...

И зачем я планирую что-то до февраля?
И зачем я планирую что-то до тридцати?
И зачем я планирую что-то вообще на жизнь?
Понимаешь ты? Текст мой туда летит,
Где другая совсем система. Нас нет. Держись.

Кто сказал тебе, что мы значимы, что мы есть,
Что мы вовсе реальны, не выдуманы во сне?
Целый мир – чашка Петри у бога. Прими и взвесь.
Осознай и прими это, станет куда ясней.

Пожирает зима ли, лето ли ластит нас,
Для вселенной все это – еле заметный свист...
Но обычное счастье доступно уже сейчас:
Зимний день, одеяло скомканное и лист.

Лето, что было в наших ладонях,
Тихо струится вниз.
Ворвалось ли в душу оно, напомни,
Иль ускользнуло из?
Фото запомнили солнца блики,
Визу, билет на юг...
Я помню большое ведро клубники,
Загар на плечах подруг.

Белой вуалью июль поспешный
Замер в моей душе
И август. Август, до боли нежный –
В самом конце уже.

И шум моторов в неоне ярком,
И на рассвете тишь...
Лето – словно сорвал с подарка
Бумагу, и ею шуршишь,

Не зная, что там – внутри, под крышкой –
Тайна всегда влечет...
Три месяца счастья без передышки.
Пошел обратный отсчет.

Заменили скамью, на которой я
Проводила все лето до сентября.
На которой и юность прошла моя,
И взросленье даже.
Там болтала я ножками после игры,
На мальчишек глазела, которые – прыг! –
Становились за лето «царями горы»
И многоэтажек.

Я на этой скамейке читала вслух
Свои первые строчки. Дрожанье рук

Замечали подруги, их тесный круг
Мне сулил удачу.
Но – выросли... И стала строка черствей.
Зачерствевшая дружба прошла. За ней
Во дворе стало меньше больших семей,
Куда больше – тачек.
А потом на скамейке меня ждал тот,
Кто собой озаглавил семнадцатый год.
В этот год, как учили нас, переворот
В феврале обычен...
И шумел старый тополь, фонарь искрил,
И я верила в то, что мне хватит сил
Разлюбить даже тех, кто и не любил,
А имел привычку.

Все. Теперь вспоминаю я ту скамью,
А блестящую новую – не признаю,
Листья с тополя медленно падают,
Ляжет снег чуть позже...
Как дурна была юная голова,
Как выросла, права была и не права...
Всё скамейка запомнила. Здесь слова
Ни к чему, похоже.

Билет – и я уже вижу залив.
Туда идут поезда.
Там волны друг другу клянутся в любви:
Чистой и навсегда...

Там шторм растреплет мою косу
В ласкающей тишине...
«А хочешь, я тебя отвезу
Туда?» – говоришь ты мне.

«А хочешь – будет качаться лес,
Костер – трещать и искрить,

Ты будешь в платье (а может – без)
Рифмами говорить?

А хочешь – будет гитара, чай,
Мясо на шампуре
И дерзость солнечного луча
На предзакатной жаре?

И крикнет чайка, и прорычит
Где-то вдали мотор,
А то, о чем мы с тобой молчим,
Выпорхнет на простор –
И взгляд твой станет лучист и юн,
Словно в семнадцать лет...»

Вот только взрослым в шальной июнь
Не продают
Билет.

Время хитро: не воротишь вспять.
Стрелка бежит вперед.
Есть время дружить и время – стрелять.
Или наоборот.

Есть время решать и ставить ребром,
Чтоб слово – будто бы плетъ.
Есть время об этом рыдать потом
Или – не пожалеть.

Есть время решиться на крик тому,
Кто целую жизнь молчит,
И должным не быть никогда, никому,
Стать чьим-то или ничьим.

Есть время не спать и встречать рассвет
Огнем на пустой стене.

Есть время, чтобы ответить «нет»
Или – сгореть в огне...

Есть время сидеть на кухне и пить
Один за другим фужер;
Время – при нем впервые ходить
В утреннем неглиже.

Есть время на рану в груди и месть –
Как лезвием ножевым.
И времени после немало есть,
Чтоб мир ощутить живым.

Есть время любить и держать пари,
Словно в последний раз.
Но лелеять обиды свои внутри
Времени нет у нас.

Катя Рубан

Virginia

Прозрачный вечер тонет в серпантине,
Как тонут в первозданной пустоте
Глаза и лица. Выцветшая глина,
Ты упадешь на белую постель
И маленькой рукой, почти что детской,
Нащупаешь невидимую дверь –
Кусочек сна, полученный в наследство.
Все кончится, Вирджиния, поверь.
И то, что раньше было не по силам,
По силам не окажется вдвойне.
Куда ты шла, зачем ты здесь любила,
Точнее, очаровывала...
Нет,
У господы не лопнут перепонки:

Качнутся мягко бусы облепих –
И ты родишь красивого ребенка,
Вирджиния, избавясь от других.
Молочный лоб и щеки в струйках крови
(подай нам, вечный, хлеба с молоком).
И нечисть запоеет у изголовья,
И ангел вострубит особняком.
Ребенок побежит по чистой луже,
Споткнется об искусственный цветок,
Окажется разбужен как задушен.

На смену небу грянет потолок,
И что бы с нами ни происходило –
Все кончится, Вирджиния. Взгляни:
На водах азоического Нила
Качаются покойники и сны.

Молчание

Всё глупости...
А.П. Чехов «Чайка»

Вот тебе, девочка, лавка земных чудес:
птичка-свистулька, рожок, воробей ручной.
Лес не волшебный – вполне себе лес как лес.
Поговори со мной?
Что ж ты, болезная, хочешь: большой любви?
Пьер раздобреет, Болконский уйдет в запой.
Лучше присядь, на полу уместившись, и
Поговори со мной.
Так не бывает. Наташа пойдет в декрет,
будет бороться со стрессом и сединой.
Что, сероглазая, сверлишь земную твердь?
Поговори со мной.
Так не бывает. Последний из Могикан
будет растерзан, закопан, снесен волной.
Дурочка Кора, откладывая свой роман,
поговори со мной.

Твой героический эпос – собачья чушь.
Лунные камушки, глина, палящий зной –
Бог тебя создал, забыв про отменный вкус.
Поговори со мной.
Глупая девочка, радужный Индостан –
горка картона, трущобы и перегной.
Мантры – пустышки, а смерть не излечит ран.
Поговори со мной.
В Лету ли канешь, падешь ли в священный Ганг –
кто тебя знает, чумная. Укор немой
Гаснет во взгляде, сменяясь на миннезанг.
Поговори со мной?..
Спи, непутевая. Спи и увидишь явь.
Серые бездны подернулись пеленой.
Утро – мудрёней, а сказки врагу оставь
и засыпай со мной.
Самое время читать о тебе Псалтирь,
Самое время молитве, пускай ночной.
Буду просить нам бессмертия.
Бог – как ты...
Он помолчит со мной.

Utopia

Мы спали чутко, воробыно. Качался в лампе огонек.
Сын фитилька и керосина на волю выбраться не мог.
Косматость бабушкиной шали, клыки, кровавая вода...
Мы просыпались и шептали: Река, неси меня туда,
Где поле белое с цветами зовет косматого домой,
Где он щенком пушистым станет, сопя в корзинке за стеной.
Шумели призрачные воды, в кандее тлела череда,
И отступала на восходе видений странных череда.

Дорога славилась камнями и отвергала тормоза.
Дичали дети – сами, сами мечтали время обуздать.
Бесшумно солнце уплывало. Казалось, смерть его легка.
И на закате застывала у лба косматая рука.

Мы грели камешки в ладони и засыпали у реки,
Галопом загнанные кони. Деревья были высоки
И что-то в воздухе парило, и что-то было в той воде,
За преимущественным илом и пеной цвета каркаде.
Так одному приснились розы, другому – дикий виноград,
И сон, не будучи осознан, слезой напитывая взгляд,
Обезобразивал деревья, калечил лица, города.
И тут один из нас поверил.

«Река, неси меня туда,
Где отблеск золота и боли первоначален и лучист,
Где одного придержат двое от череды самоубийств».
Оставив поиск мыслеформы, стань истуканом, пеной стань,
Увидишь: дольний станет горним, поблекнет цвет,
сотрется грань,
Вне истерической сансары рука укроется рукой,
И Тварь со Временем, ослабнув, уйдут неслышно на покой.

Увези меня

Увези меня в город Райск – незабвенное чудо света.
Я оставлю в вагоне весь незначительный свой багаж:
Тихотворных молитв блокнот и Шмелёва – «Господне Лето».
И каблук.
Для ступни каблук – столь болезненный антураж.

Увези меня в эту мглу, обнимающую за плечи:
Пусть струится во мне водой и расплавленным янтарем.
Кроме внутренней черноты я не знаю других увечий.
Увези меня в город – сон, напои молодым вином.

Увези меня.
Эта блажь...
С места сдвинь ледяную глыбу,
Эти гордиевы узлы разруби золотым мечом.
Я смотрелась в твои глаза, то ли женщина, то ли рыба,
и напарывалась на риф округлившимся животом.

Я смотрелась, а ты дрожал. Наше время уходит в Лету.
Если вспыхну святым огнем, это значит – уже рассвет.

Увези меня в город Райск.
А не сможешь – развей по ветру
И красивейшей из теней
Отправляйся за мною вслед.

ruta siberica

Холодно-холодно снегу в сухой траве
В зевах бессмертника стынущие вопросы
ты отложи до весны и ступай ко мне
не по росе
Опирайся на слух и посох
Взгляд по пути не бросай ни на эту тьму
что позади
ни на ту что пребудет дальше
Дом на дороге – обманка
мертвец глядит
в пропасть окна
проходящего манит пальцем
Чьи имена ты в карманах перебирал
Есть ли мое среди этих безбожно белых
что не дают ни мерцания ни тепла
Шел пилигрим и дорога его не грела
Шел да и вышел
и срок твой давно истек
Алые буквы просыпались из кармана
Серые лютые выли
расцвел цветок
в снежной пустыне у снежного океана
Холодно-холодно снегу лететь в траву
боязно выстелить лоно земного тела
Ruta siberica вспыхнула на ветру
путь осветила тебе
и дотла сгорела

Борода дона Хуана

Борода донхуана колечками от гардин
опускает мне веки
и гирьки на них кладет
счастье это когда ты карминовый как кармин
и зеленый как зелень
когда ты кому-то – тот
кто счастливее нас пусть жеманно метнет парфе
в наши юные лица
застывшие словно воск
я парю словно птичка над брызгами хуанхэ
борода сновидений походит на снежный трос
вот мы жарим каштаны
я трогаю их рукой
это что-то такое не мягкое или мякиш
молочный напыщенный дрожжевой
борода сновидений врастающая в меня
вот я вышла из тела
меня поглотила мгла
лошадиных хвостов
их волнисто-воздушных грив
а потом мне приснилось что я тебе дочь родила
прямо в офисном кресле
в обеденный перерыв
мы назвали ее то ли девочка то ли дочь
и по праву она
захватила планктонный трон
борода донхуана не кажется бородой
если ты на ней едешь
в свой самый счастливый сон

Ма всегда говорит

Ма всегда говорит, что ее недонежил бог.
Повертел, отказался и бросил одну на свете.
Потому она зла, потому подгорел пирог,

потому у нее не такие, как надо, дети.
А вчера оказалось, что Па изменил ей с Тё.
Потому что, наверное, дети... Пирог невкусный.
Просыпалась в поту, ворошила его пальто,
находила улики, вязала петлю на люстре,
говорила, что бога нет
и вставала на табурет.

Вани, Димы, Алеши по свету бредут одни,
В разной степени все недовольные трудоднями:
Мол, швыряет нас пачками гнить на краю земли.
Ма, послушай меня: разве мы не сбегает сами?
Не дождавшись печати и подписи высших сил.
Кто там их спросил.

Ма уходит все дальше, и юбки ее блестят,
шелестят крепдешином...
но юбок она не носит.
Ма уходит без эпки: в двери, а не в закат.
Отворачивает лицо. Провожать не просит.

Кто бы ни был Ты там, да избави нас от потерь.
Я закрываю дверь.

Симон Абрикосов

Письмо в невыпитой бутылке

Слушай, сын, если ты где-то там
Выбираешь маму,
Я здесь кого-то на жизнь или вечер, но выбор совпал,
Ты, возможно, родишься. Тогда помни главное:
Что таких же, как ты, – толпа.
Она дышит при свете, дышит во тьме,
А заberi кислород – умрёт, мучась...
Это – держи в уме.

Помни на всякий случай.
Посмотри передачу про шимпанзе.
Мы – то же самое. Почти то же.
Немного умней. И подлей, но не все.
Есть
Искусственно облагороженные.
С ними дружи, но знай, что таких едят:
Вкусны и ранимы из-за любви к беседам
Про Достоевского, Бога и райский сад,
А спроси, почему мопед едет,
Из чего строит гнездо оса?
И – смотри в удивлённые их глаза...
Кстати, насчёт мопеда и ос.
Хрупкая жизнь и слабая мысль человека...
И то, и другое цени. Это мост
Через реку.
Никто не знает, что на другом берегу,
Но посмотри, как бегут.
И я, признаться, бегу со всеми,
Но местность немного изучил:
Там
Железные прутья сгибает время,
Здесь желтеют веточки ив.
Там сероглазая... Будешь от сероглазых
Письма в бутылках невыпитых получать,
Выпьешь – и всё прочитаешь сразу.
А по тебе прочитает мать,
Скажу по секрету. Узнаешь позже,
Как в окнах её огонёк горит;
И только у матери сбросишь кожу,
Раз старая рвётся
От боли внутри,
И дело к зиме,
И нависли тучи...
Это держи в уме.
Помни на всякий случай.
И, наконец, о вранье, то есть опять о мопеде.

Честно – не знаю,
Какого он лешего едет.
Немного приврал. Но всё-таки будь снисходителен,
Если ты где-то там
Выбираешь родителей.

У нас есть всё

Ты настороженно смотришь в окно.
Так дочери Ноя смотрели на воду
После потопа. Казалось – на дно
Небо уходит, уходит, уходит...
Небо всё дальше, и всё тяжелей
Воздуха чёрное покрывало,
Упавшее на... На этой земле
Ты в каждом городе так стояла
И в каждом доме боялась так
Часа, когда наступает мрак.

Тьма, что шипела, коснувшись сада...
Если б она не скрывала на дне
Звёзды, готовые падать, падать, –
Давно бы уснула, прижавшись ко мне.
И не гадала бы – что загадать?
Не говорила б: «Пускай не светят.
Пусть остаётся чёрной вода –
У нас есть всё, кроме смерти.
Всё, кроме смерти. И смерть. Да не вся...»

Звёздное эхо – роса, роса...
Тысячу вёсен соседи спят,
Тысячу вёсен выходишь в сад.
Лестницей сонных цветов бузины
Тихо восходишь к летящим звёздам.
В белой одежде – в чёрные сны...
Крик петушиный.
Поздно.

Со стаканом смолы

В мире, который следит за тобой
Миллионами камер и тихих взглядов,
Недопустимым является сбой
В системе контроля за нашим стадом.
Юность, воспитанная экраном,
Время пришло над собой... смеяться:
Даёшь алкоголь, никотин и странных
Женщин с холодными
тонкими пальцами.
Женщин, окутанных белым мраком,
Смотрящих, что киплинговский Каа:
Кури до полуночи, горе-Булгаков,
Больше окурков – лучше рассказ.
Разве дано нам выдохнуть это?
Горечь и слабость, и совесть, и стыд.
Холод, которым пронизано лето.
Жёлтые пальцы... Система сбоит
В каждом из нас. Но ведь мы играем,
Зная, что проигрыш впереди.
Со стаканом смолы приходи, дорогая.
Со стаканом смолы в груди.

Лесополосы

Это память запаха, как подмаренник,
Цветёт и цветёт вдоль грунтовой дороги,
Небо гудит огромным жуком-оленем;
Мама вздохнёт и скажет: «Не трогай».
Точно зная, что следом за ним побежишь.
За деревьями – с ветром – смеётся жизнь,
Почему-то смеётся маминым голосом:
«Опять заблудился? Выберись сам». –
«Но как? Здесь такие большие леса». –
«Лесополосы, сын, лесополосы...».

А потом были люди. Всегда. Везде.
Те – чуть дальше, те ближе, как деревья.
Как положено, ты дорогих проглядел,
Потому и молчишь, что тебя проглядели.
Это всё-таки лес: жизнь мелькает, но
Без привычных слов и всё с большей скоростью.
Иногда звонишь... После каинов,
После авелей. Там – окраина.
Там, куда звонишь, лесополосы.

Наконец, ни людей, ни времени. Холодны
Стены дома. Детские ловишь сны,
Будто круг замкнётся и что-то назад возвратится.
Но в тумане застывшем срублены три сосны,
И зовут еле слышно лесополосы: «Сын.
Сын,
Пора заблудиться».

Сонет карандашом

Во снах тяжёлых тихий дождь прошёл,
Немели ветви, капли не звучали...
Нас никогда с тобой не разлучали,
Так почему же между нами – шов?
Скажи, мой сад: зелёный капюшон
Желтел, белел, такие прятал дали,
Что чернотой небес теперь раздавлен?
И кто его писал карандашом?

На пустыре набросок осторожный.
Вдохнуть и перед выдохом стереть
Цветущий сад сподобится равнине.
Ты шелестишь, что мы с тобой похожи:
Толпится жизнь, но одинока смерть;
И дерево, и плоть в итоге – глина.

Пальма

На базе отдыха источники термальны,
В тумане белом прячется бассейн,
Густая изморозь на захудалой пальме,
Когда б не минус тридцать, то Басё
Залюбовался бы и выдохом хрустальным,
Стволом, который тих и невесом,
Но, чтобы сохранить энергию и тайну,
Они бы оба замерли: плюс сон

Ко снам заснеженным... Басё исчез,
Разнорабочий не нашёл ключей
И пальму не занёс. Уснул администратор.
А за оградой снег не так тяжёл.
Там кран подъёмный – словно богомол
В траве берёз закоченевших – скрипнул: как ты?

Твои прозревшие цветы

Растут обманутые травы,
Поверив, зацвели цветы.
А тёплый день исчез лукаво,
А снег пошёл
из темноты.

И мне казалось: небо глухо.
И было чувство, что вот-вот
Зима закашляет старухой
У наших запертых ворот.

Закашляет – и я открою.
Смотрю – не вижу... Как во сне...
Я выходил ещё с тобою.
А возвращаюсь
только с ней.

Напоминанием остались
(Какая глушь! Какой пустырь!)
Мои обманутые травы,
Твои прозревшие цветы...

Екатерина Фархуллина

Время пришло: мы снимаем пароли,
Мы разгоняем свои килогерцы.
Я достаю с большой антресоли
Еще не согретое хрупкое сердце.

Я открываюсь всему, что трепещет,
Я пробуждаюсь, я радуюсь, радую,
Я собираю мешок свой заплечный
И раздражаю любовной тирадою.

Меряю чувства свои киловаттами.
За зиму стал я морозо- и стойким.
Что, конечно, не может не радовать:
Это весна всем меняет настройки.

Полина Афонина

Мир груб
От дыма труб,
До зова губ.

Мир плох,
Как мглы покров,
Как горький вздох.

Мир тих,
Как первый стих,
Где плач затих.

Мир прост,
Как сонный мост,
Как след от слез.

Тебе

Я шёл к тебе так долго. Растерянный и мёртвый.
Привыкший получать в затылок-спину пули.
И мир весь рассыпался, как будто воздух – стекла.
И звезды не включались, как будто бы заснули.
Я шёл к тебе так долго. Секунды обрастали
Тягучими годами. Как осень в лесопарке
Я был насквозь простужен. И все вокруг не знали,
Что я, почти что умер, в своей зелёной парке.
Я шел к тебе так долго, без карты, направлений.
В груди молчало сердце, забыв, что нужно биться,
Когда вдыхаешь воздух. Я шел, считал ступени,
Как вдруг ты написала, что хочешь быть, как птица.
Я шел к тебе так долго. Я шел из неоткуда.
Как зверь среди развалин. Измученный ночами.
А ты лишь улыбнулась: «Мне кажется, ты – чудо».
И я увидел поле, заросшее цветами.

Джек

Для Джека все дни бесконечны, он ждет ее на перроне.
Она же теряет дорогу, в то время как черные кони
Бегут по ржаному полю навстречу восходу.
Она обещала вернуться ближе к новому году.

Он пишет: «Есть люди, как люди, есть люди-бродяги.
У них вместо сердца и легких распускаются красные маки,

Они забывают про встречи, им снятся в порту корабли.
Я знаю, я понял, мне хочется – чтобы меня нашли».

Она отвечает из Рима, из Праги, с просторов Тамани:
«Сегодня всю ночь идет снег, завтра красные сани
Помчат нас навстречу очередному незабываемому рассвету.
Подожди еще пару недель, я, наверное, скоро приеду».

Он пишет: «Есть люди как люди, есть люди драконы.
Им шепчут песни ветра и горные склоны.
У них вместо сердца и лёгких космические огни.
Я знаю, я понял, мне хочется – чтобы меня нашли».

Она отвечает: «Послушай, прости меня, милый.
Нам до встречи еще пережить нужно парочку милей...
Когда я ложусь на закате, мне снятся цветные сны».

Джек идет на перрон, ему хочется, чтобы его нашли.

Наталья Гончарова

Про нас с тобой

Мы как два обнявшихся дикобраза
В своей двухкомнатной панельной клетке,
И разочарования зараза
Губительней, чем шумные соседки.

Намеренья у нас весьма благие –
Нам очень хочется согреть друг друга,
Но иглы наши острые такие,
Что в результате только боль и мука.

Слово Женщины...

Это я открыла дверцу
В замке Синей Бороды.
Я пронзила гостью сердце
На пиру Али-Бабы.

Это я пила с Тристаном
Заколдованный нектар,
За мой танец Иоанна
Обезглавил государь.

И меня возвел на ложе
Самый мудрый из царей,
Тот, что был мне всех дороже,
Звал голубкою своей.

Любопытна я как Ева,
Своевольна как Лилит,
Я – та избранная Дева,
Что Спасителя родит.

Я – Брунгильда, я – Елена,
Клеопатра и Ширин,
Моего желая плена,
Все сдаются как один.

И вовек не знать мне страха,
Ведь судьба ко мне добра,
Создан был Адам из праха,
Я ж из крепкого ребра.

Наталья Заречная

Букет за 38 рублей

Сидит старушка в центральном парке,
Цветы садовые связав в пучки.
А дни сентябрьские уже не жарки.
Платочек старенький на ней, очки.
Ей как-то продавать неловко...
В глазах усталых живёт печаль.
Шальная рядом шумит торговка,
Умело взвешивая зелёный чай.
Проходят мимо сотни людей:
– Скажите, сколько стоит букет?
– За 38 отдам рублей.
Сыночку было столько же лет...
Простынешь, дочка, накинь платок.
Ведь осень скоро, пора дождей.
Беречься надо, вам невдомёк.
А я-то знаю, в платке теплей...
– Спасибо, бабушка, сейчас накину.
Я хризантемы хочу купить.
– Ты подстриги их наполовину,
Так дольше будут цвести и жить.
Вдогонку слышу: – Дочка, постой,
Я разменяю, ведь сдачи нет.
– Не надо, бабушка, он непростой:
Бесценный, собранный Вами букет...
Я ароматом его дышу.
На сердце горько, но чуть светлей.
Купите, люди, я вас прошу
Букет за 38 рублей.

Даниил Устименко

Будь другом мне, безродная дворняжка.
Бездомная, ненужная, ничья
Киваешь миловидною мордашкой,
Скажи мне, где твоя семья?

Поверь, что не обижу ни за что я
Смешное и родное существо,
Чтоб не услышать жалобного воя.
Ты не один, не бойся ничего.

Мы так похожи – родственные души.
И ты, и я умеем искренне любить.
Ликует сердце, рады хвост и уши,
Не описать словами этот миг.

По улице бежал, искал глазами
Среди людей такое же родство!
Ответ был прост, вы догадались сами,
Не встретил, не увидел никого.

Алена Рафинад

Если бы...

От него пахнет мужеством,
С такой силой,
Что шлейф сбивает с ног
Конкурентоспособных самок.

Я подавала бы в суд,
За столь идеальный образ.
Да, подводных камней в нем

Поболе,
чем во всех моих «Бывших»
Совместно взятых.

Нутро говорит об обратном,
Устраивает забег.
Если бы за него
Предложили «взятку»
Я отказалась бы,
Твердо ответив «Нет».

Если бы все мои страхи/комплексы
Сжать в кулак,
А из текстов вычеркнуть
Эти несчастные, забытые в угол «если»,
Я давно написала бы книгу.
Давно написала...
 если
 бы.

Он улыбается,
Взглядом пронзает насквозь.

До каждой моей зарифмованной строчки,
Дела-то вовсе нет.
До каждой моей мурашки,
До каждой пошлой мысли.

Хотя, если бы знала наверняка,
Я совсем писать перестала бы.
Совсем перестала...
 если
 бы.

Антон Комаров

Зоопарк на колёсах

Скрипят под клетками колёса,
Везут измученных зверей.
Они не задают вопросы,
Сквозь прутья глядя на людей.

Вот лев. Он вовсе не отважен
И злости нет в его глазах.
Он львенком в клетку был посажен.
С тех пор им управляет страх.

Он днями мечется по клетке,
Она равна пяти шагам,
А ведь от рыка его предков
Дрожала сельва по ночам.

В жаре вонючей тяжело дышит
Облезлый северный медведь.
Он грубых окриков не слышит,
Покорно ожидая смерть.

Вон в угол клетки рысь забилась,
Тоской горят её глаза.
Я видел, как из них катилась
По шерсти тусклая слеза.

Два волка, лёжа на циновках
В глаза не смотрят никогда,
И плещется при остановках
Из миски грязная вода.

Они ни в чём не виноваты.
За что их держат люди тут?
Наивно верят, что когда-то

Их клетки двери распахнут.

Но их навечно осудили.
Им суждено погибнуть тут.
А люди, что их заточили,
На них смотреть детей ведут.

Я зоопарки ненавижу
И не хожу в них никогда.
И с болью в сердце я предвижу:
Нам отомстит за них судьба.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Наташа Корсак

Сто лет для Доро (главы из повести)

*Если вы поймали птицу, то не держите её в клетке,
не делайте так, чтобы она захотела улететь от вас, но не могла.
А сделайте так, чтобы она могла улететь, но не захотела.
Ошо (Бхагван Шри Раджниш)*

Чайки

Да, чайки уже не те... Толстые, прожорливые и все на одно лицо. Ты гляди! Так и просит, и вымаливает! А орет-то! На, вот. Почти весь батон растащили. Ну, пойдите-ка теперь, пойдите. Тошно от вашей болтовни. Небо, смотрите, какое – алое! Будто проказник-невидимка разбрызгал на нем свои краски, а теперь смеется!

Ну, чего не летите?! Летите же. Кыш, кыш, кыш! Эх, как хотите. Вы ведь меня не знаете, молодые ещё... Да я и сам временами себя не узнаю. Смотрите – вот, весь сморщился: нос, щеки, и руки тоже...

Мне, братцы, завтра сто лет исполнится. К полудню. Вот как пушки ударят, так считайте, родился Саша Перов.

А вам-то и дела нет! Родился и родился. Помер, так помер. Вы ведь чайки. Дай рыбу, дай рыбу! Что вы ещё знаете? То-то же... А он был другим. Понимаете... Тоже чайка, а другой! И глаза у него были большие-большие. Как две лесные ягоды. Смотрит на тебя и молчит, а сам всё понимает. Умный, как пёс. А хитрый какой! Вот сто лисиц против него

поставь, а он хитрее. Дружили мы. Он со мной по-человечески, и я с ним по-человечески.

Ах ты, паразит! Учужал, однако... Обжора. Думал, в карман сухари спрячу, так вы и не помыслите. А вон что! Ну, вот ловите. Одному! Второму! А ну, не воруй у маленького! И вот тебе, толстопузый! Эх... не птицы – звери.

А его здесь встретил. Помнится, день был такой смурной. Сентябрьский. Над Малокаменной крепостью висел туман. Мы с мальчишками играли в казаки-разбойники. Мне нравилось быть разбойником. Я убегал. А жили мы тогда на улице Деревенской бедноты. Сейчас это улица Куйбышева. До Лисьего островка добежали минут за пять. Там и играли, на берегу темной реки – Евы. Особенно когда тепло было. Бабуля и дед говорили, что детям там не место. А мы думали, что в крепости водятся приведения. Воображали себя рыцарями. В общем, всё по-детски логично.

В тот день погода не ладилась. Ветрище дул, жуть! Я запыхался и решил перевести дух у воды. Страшная Евушка тогда была, непричесанная, чумазая. Волнами о камни била, словно бранилась. Я присел у воды, помочил руки. А сам надыхаться не могу! И от дыхания своего ничего вокруг не слышу. Замерз!

Вдруг позади пёс залаял! Да не просто пёс, а тот бандит, что наших кошек любил гонять. Орет, кряхтит. И тут же я услышал писклявый голосок! Не кошачий, а похожий! Побегал я на шум.

Смотрю: пёс склонился над каким-то пёстрым комком и лапой его прижимает к камням. Зубы скалит! Я подойти боюсь, вдруг тот псих меня цапнет. Но комочек-то жалко! Закусил я губы и побежал, что было духу на пса. Да как закричал. Все слова вспомнил, что дед на кухне практиковал. А в руке у меня камень был, чтоб кинуть в пса, если тот вздумает нападать. Но дикарь отступил. Ощетинился, глянул на меня волком и... бежать! Я присел на колени. Гляжу, а передо мной крошечный птенец лежит. И то ли жив он, то ли мертв – не пойму. Я его по грудке погладил. Не двигается. Слезы на глаза накатились, и вот стою, уже взрослый

мальчишка – школьник, и плачу! А как только глаза раскрыл пошире, удивился! Птенец-то с одним крылом! То есть второе – правое, как бы есть. Но... всё же его нет. По-человечески это, наверное, называется инвалидность. Видно, что не пёс ему крыло оборвал, а так и было. Погладил я этот странный отросток, где могло красоваться второе крылышко. Рассмотрел. И грустно как-то на душе стало.

И побежал я к звериному доктору. Он у нас на всю округу один был. Толковый мужик. Кота нашего – Меньшикова (дома просто Меньку) за один прием излечил, когда Менька дурного мыша слопал.

Бегу я, птенчика держу за пазухой. Мне мальчишки-друзья кричат:

– Сашка! Сашка! Ты что же из игры вышел! Ну, вышел, значит, проиграл!

А я про игру-то и забыл вовсе! Что с ней, с игрой, когда тут у меня зверье пропадает! Живой хоть он? Да, еле-еле, но дышит. И сердечко... тук-тук...опять тук-тук – бьется! Я от счастья разулыбался. Бегу и приговариваю:

– Потерпи, дружок! Вот дядя Коля нас посмотрит! Даст тебе пилюлю, или ещё чего, и ты поправишься.

Пять минут, за которые мы обычно добежали от крепости до дома, в тот раз мне показались вечностью. Я спотыкался, а наши старушки бранились, что, мол, я ношусь, как угорелый, лужи разбрызгиваю! Можно подумать, что все их «нормальные дети» пешком ходят.

Лекарь наш, к счастью, оказался на месте. Влетел я в его кабинет, а там как раз девчущка со щенком. На первую прививку его привела. Перепугался малыш. А девчонка смеется, треплет щенка за шею:

–Ты теперь у меня здоровей всех здоровых будешь! Ой, а кто это у тебя? Неживой какой-то, – взвизгнула она, увидев на моих руках маленькую птицу.

– Глупая ты! Не видишь, дышит!

– Неа, не вижу, – отчего-то радостно ответила она, и подхватив щенка, выбежала за дверь.

– Ну, и кто это у тебя? – закуривая, спросил дядя Коля.

Я аккуратно протянул ему птенца:

– Чайка, кажется... Вы это... не дымите не её, дядя Коля.

– Да? Ну-ну... – протянул он и небрежно взял моего найденыша на руки. Вдруг попросил меня выйти. Доктор порой так делал, когда...не был уверен, как поступить с пациентом. Но я сопротивлялся! И дяде Коле пришлось вытолкать меня из кабинета. Одной рукой он закрыл дверь, а другой затушил свою вонючую сигарету.

Сначала я сосчитал до десяти. Потом до двадцати. И чего они так долго?!... Тогда я решил: буду мерить время минутами. И минут через пять точно постучу. И спрошу, нельзя ли там побыстрее? Но не прошло и минуты, как дядя Коля сам распахнул дверь.

– Входите, сударь! – улыбался он.

– Ну-ну-ну-ну! Что там? – мне не терпелось услышать вердикт.

– Чайка серебристая. В наших краях – не редкость... Птенец – мальчик! И как понимаешь, птенец больной. И в придачу испуганный... Но сейчас – порядок! Однако ж с крылом проблемка. У него это врожденное. Чайки вообще-то птицы семейные и своих не бросают, но... этот малыш охотиться не может, защищаться тоже. Ну, а летать и подавно. А раз так, зачем он своим братьям?

Мы стояли с дядей Колей плечом к плечу, уставившись на крохотную чайку. В ответ птенец смотрел на нас круглыми, как две смородины, глазами и часто моргал. Мне казалось, что он знает куда больше, чем просто заключение доктора.

– Лучше его усыпить, чтоб не мучился... И, да! Можно отдать на чучело! Интересный экземпляр получится. Птица без крыла, – протараторил дядя Коля и снова закурил.

– То есть, как усыпить? – не понял я.

– Ну, а какой смысл ему жить, если он летать не может, охотиться не...

– Спасибо, дядя Коля! Но мы, пожалуй, пойдем, – протараторил я и аккуратно вернул чайку себе за пазуху. Мой найденыш тоже что-то пропищал, как бы в знак одобрения

моего поступка. Этот писк был смешным и беспомощным. «Ки-ау-ки-ау», – как котёнок тянул он.

– И куда ты его?

– Домой отнесу!

– Пожалуй, князь обжора-Меньшиков будет против, – рассмеялся доктор, – да и дед тоже.

– А я их всех уговорю! Будет у нас жить, я ему имя дам.

– Вот ещё. Чаек на свете пруд пруди, а ты, Санька, нашел самую никчемную и больную! Может, попугая тебе на день рождения подарить?

– Да ну вас! Я его спас, и мы теперь вместе! – резко от обиды крикнул я и выбежал за дверь. Правда, через мгновение ещё громче добавил:

– Спасибо, дядя Коля!

Подарок

Да, уже через семь часов, три минуты и девять секунд мне исполнится сто лет! И кто бы мог подумать, что в это время я буду сидеть здесь и рассказывать чайкам о своей жизни! А ведь вы даже не перебиваете... Расселись вокруг и молчите. А чего молчите-то? Вот и бабушка тогда молчала. Я ей птенчика-то протянул, рассказал, как спас, как пса отогнал... Я героем себя чувствовал! А она смотрит на меня и молчит. Менька же у ног её вьется и хвостом бьет. Что за семейство? Неужели не видят, что птице помощь нужна? Долго мы так стояли. Как вдруг дед вернулся:

– Это что за мышь у тебя серая? Ну-ка Меньке брось!

– Да не мышь, деда, а птица! Вот, погляди, – подошел я к деду с птенцом на руках, а тот весь сжался. И сидит, боится. Дед губы скривил, затылок почесал, а потом как выхватит найденыша из моих рук.

– Осторожней!!! – завопил я.

– От тебя не помер – от меня не померет, – заважничал дед. – Ну, и кто ты, страшилка? – обратился он к птице. – Чайка, вижу. Главный друг левинградских помоек! И что мы с тобой делать будем?

– Отдай, – не унимался я. – Не видишь, он не здоров!

– Вижу! И на кой он нам? Нездоровый? И здоровый – на кой?

– Ну, пусть с нами живет! Я следить буду! А крыло...так ведь его и сделать можно!

– Как это? – сощурил глаза дед и уставился на меня. Хотя намек мой понял.

Он у меня мастером был, таким, что во всей стране, да и мире не сыскать! Самолеты собирал, машины разные. Награждали его даже за это. Медаль была! В городе его уважали! На дни рождения ему много писем приходило с поздравлениями, даже от каких-то правителей. Я не разобрался.

Дом наш весь завален был его чертежами и моделями. А игрушки мне тоже дед сам мастерил. Таких ни у кого не было...

– Деда... Ну, я очень тебя прощу. Прямо умоляю, – запаниковал я. – Оставим его? А давай так! Вот пока оставим, – придумывал я на ходу, – а как подрастет и окрепнет, отпустим или в зоопарк сдадим.

Бабуля расхохоталась так, что у меня в ушах зазвенело.

– А Меньшикова-то мы так же брали, – напомнила она. – А давайте оставим, помирал ведь на помойке один... А теперь вот, обжора какой стал, а?

– А он тебе ноги лечит, вместо грелки, между прочим! И мыша порой ловит! Так что колбасу он свою честно ест, – защитил кота дед. – А вот с чайки какой толк, не пойму...

– Да будет толк! Будет, – прошептал я.

– Значит так! Оставляй свою хромокрылку. Только смотри, сожрет его князь Меньшиков – не реви потом, – твердо сказал дед, похлопал меня по плечу и добавил. – На, забери его, почисти хорошенько, чтоб дома заразы не было. Ты б лучше что доброе принес, а то – чайка, – договорил дед уже на кухне.

Бабушка заваривала чай. Менька пошипел-пошипел на птенца и, изогнув пушистый хвост, тоже последовал за дедом.

Я показал Меньке язык. Вот ведь вредина! Нет, чтобы спросить, как дела у птицы, обнюхать, как следует, сметаной поделиться! Никакого гостеприимства. А ведь его-то я тоже не в лучшем виде нашел! На помойке, грязного, взъерошенного. Ходил он, помню, и клянчил у прохожих. Плакал. А теперь важный стал, вроде как хозяин в доме! Ну, погоди, Менька, попросишь сосиску! Категорически не дам!

В моей комнате места было много. Хоть целый зоопарк заводи. Взял я коробку из-под бабушкиных сапог, положил туда одежды всякой. Усадил птенца поудобнее. Ещё воды принес и хлеба немного. Сунул малышу мякиша, а он раскрыл свой розовый рот и как схватит! Так сразу весь кусок и проглотил.

– Ну ладно, ты поспи, а я пойду про чаек что-нибудь разузнаю. Только из коробки не вылазь!

Я побежал к соседке – тете Ларисе. Раньше она в библиотеке работала. И дома у неё везде книги лежали! Я попросил тетюшку подобрать мне что-нибудь про чаек. Тетя Лариса, прежде чем искать, поставила чайник на огонь. Накрыла на стол. Вытащила варенье из белого клевера. Никто такого варенья на моей памяти больше не делал. Да и не ел. А она и делала, и сама ела... И меня уговаривала. Я отказался. Тогда она мне банку целую с собой дала, чтобы я домашних угостил. А в придачу три книги: «Чайки – хранители Ленинграда», «Чайки на любой вкус» и «Чайки – тоже птицы». Я поблагодарил тетю Ларису и хотел уже бежать, как вдруг она спросила:

– А как ты назовешь свою птицу?

– Какую ещё птицу? – удивился я её осведомленности. Сам-то о найденыше я ей не рассказывал.

– Ну, ту, что принес домой. Я видела, как ты спас её от собаки. Молодец!

– А почему же я вас не видел?

– А я сверху смотрела, – рассмеялась тетя и прошептала. – Дай птенцу ложку варенья, и он поправится. Чайки любят сладенькое. А уж белый клевер точно не повредит! Ну, беги, беги! Книжки можешь не возвращать. Улетаю я завтра.

– Куда же, тетя Лариса?

– На юг! К родственникам. Здесь у меня нет никого, да и холодно. Ветры...

– А как бы вы чайку назвали? – почему-то мне вдруг захотелось ещё поговорить с тетушкой. Она всегда была так добра. А вот семьи у неё, и правда, не было. Зато она с бабулей моей дружила. Однажды бабушка рассказывала, что тетя Лариса, когда помоложе была, часто танцевала у нашей крепости. Разбрасает хлебного мякиша, птицы к ней слетятся! Тетушка, будто окрыленная, тоже руки расправит, и кружится-кружится. Бабуля её и спросила:

– Что это ты, Лариса, всё у воды танцуешь? Простынешь ведь! Да и негоже это, люди-то что подумают?

– А ничего не подумают! Не до меня им, – рассмеялась тетушка, обняла бабушку и сказала. – Улететь бы, Маш, далеко-далеко! Туда, где только птицы!

– С ума ты сошла, Ларочка, от одиночества! Идем домой, милая, – заключила бабушка и подхватила подругу под руку. Пока шли, тетя Лариса пела на каком-то странном языке: «Кияу-кия-кия-у!» Спросила её бабушка, что эта песня значит, но та так и не ответила.

И вот стоял я, ждал от тети Ларисы ответа. А она села передо мной на корточки, взяла меня за руки. А какие ладони у неё были холодные! Жуть!

– Доро! Назови его Доро. Это значит – «подарок». И береги его, – улыбнулась она. Больше я тетю Ларису никогда не видел. Бабушка говорила, что она обещала написать, как устроится. Но никаких вестей от тетушки мы так и не дождались.

А я тем временем вернулся домой. И вот беда! Смотрю, стоит Меньшиков у коробки с птенцом и хвостом бьет. Я хотел его шугнуть, и тут вижу, как из коробки доносится голосок: «Киау-кия-киау». Это птенец наш пищит и пританцовывает! А кот смотрит на него и понять ничего не может. Интересно ему, а морда довольная, сытая. И никакой видимой угрозы для птенца не представляет. Мой страх отступил!

– Ну, здравствуй, Доро!

– Кияу, – ответил он.

– Меня Сашей зовут, а это – Менька. Ой, простите – князь. Князь Меньшиков.

– Фрррр, пффф, – отвернулся Менька и прыгнул на кровать. И давай мять подушки лапами. Это он так свое место обозначал. А место у него было – везде!

Доро перевалился с ноги на ногу, запутался в кофтах, которые я ему подстелил, и упал. Я засмеялся. Видимо, Доро это понравилось, и он сделал такую довольную птичью физиономию, что мне стало ещё веселее. Но тут я понял – Доро ещё слаб. И наверняка голоден. Рыбы дома не оказалось. Я вновь накрошил ему хлеба и вдруг вспомнил о варенье из клевера, что дала тетушка.

Баночка открылась легко. Менька тут же подбежал, но, приняв себя, лишь чихнул и поморщился. Я сунул в банку указательный палец и облизнул его. Странное какое-то на вкус это варенье! Интересно, а Доро станет его есть? Я поднес свой палец к его клювику. Какая неосмотрительность! Он от голода чуть было мне его не отклевал! Попросил добавки. Я пододвинул к нему всю банку, и птенец опустил в неё свой клюв. Когда он клевал, я заметил, как по его перышкам пробежал ветерок. И только этот ветерок коснулся безобразного отросточка, где могло расти крыло, как Доро запищал и вытащил голову из банки. Его глаза забегали, быстро, как секундная стрелочка! Доро икнул! А потом резво запрыгнул мне на руки и прижался головой к моей груди. Так мы с ним и просидели, пока ночь не зашторила окна своей чёрной занавеской.

Доро самостоятельно забрался в свою коробку, но не уснул. А деловито расхаживал взад-вперед. Я подумал, что Доро просто переел и теперь ему тяжело.

В комнату вошел дед.

– Ночь уже! Чего не спите?

– Мы спим... Вон, Менька точно спит. А вот, Доро, кажется, не собирается.

– Эх, ты! Специалист по птицам! Чайки ночью не спят! Или охотятся, или семью стерегут. Тоже мне, Доро, имя-то

выдумал, – расхохотался дед. – Назвал бы Петькой и ладно. Всё равно помрет скоро. Чайка без крыла, что рыба без плавников.

– Деда, перестань, – нахмурился я и увидел, как Доро остановился и захлопал одним крылышком. Пожалуй, малыш был возмущен.

– Значит, так, – сказал дед, – давай-ка к школе готовься. Читать, небось, много надо. А ты тут у себя чайковую библиотеку развел! Никак, Ларка книги дала?

– Я к школе-то готов почти! А ты, деда, лучше помоги с крылом...

– Даже не думай! Все спать, живо спать! И ты, Доро-помидоро, тоже уймись! Всё, покедова!

Дед погасил свет и вышел. А Доро даже не думал его слушать. Он гордо вытянул тоненькую шею и взглянул в окно. Какая полная в ту ночь была луна! А небо фиолетовое, как бабушкино выходное бархатное платье.

Чем болен дед?

С понедельника началась школа. Я пообещал деду, что этот год закончу без троек. Да, и такое бывало. Особенно с арифметикой! Нет, я в числах-то разбирался, но вот с учителем не ладил. Отсюда и тройки в дневнике. Но дед сказал, если плохо в этом году буду учиться, то для начала он меня ремнем! А потом запретит выходить на корабле. А у меня теплилась надежда на корабле с ним и дядей Сережей отправиться в путешествие. Дядя Сережа – капитан. Ходил он и по Балтике, и дальше. Красоты столько видел! И я хотел. В общем, пришлось мне грызть гранит всех наук. Уроки делал исправно.

Доро окреп. Бегал по дому, как торпеда, и даже Меньку гонял. Утром мы с Доро делали зарядку. Я приседал, и он приседал. Я прыгал и он. Ленивый Менька иногда приходил поглядеть на наши тренировки, но участия не принимал.

Бабушка полюбила Доро. Рыбку ему со стола бросала. А он что? Удивительно! Вот сядет бабушка за свое вязание,

разбрасает мотки ниток по полу, а Доро рядом сидит и наблюдает. А понадобится бабушке красный моток, он ей в клюве приносит. Понадобится синий – и его тащит! Это мы с ним ещё с мячиком проходили, когда я бросал, а он за ним бегал! Как собака, ей-богу!

Из дому Доро не выходил. Опасно, вдруг кто задерет. Хотя он и сам парень не из робких был. Да Менька его изредка воспитывал, хотя и делал вид, что брезгует такой дружбой. А однажды они даже кусок рыбки делили. Вот смеху-то было. Но Доро тогда Меньке уступил, раз тот старший. Но одна беда всё-таки оставалась... Тяжко птице без крыла жилось. Всё взлететь хотел, а не получалось. Сидит на подоконнике и видит за окном, как другие птицы расправляют крылья и парят под облаками. И тут Доро как закричит: «Киау!!! Ау!!!» Я его с подоконника снял и дал рыбку для успокоения.

Как-то к нам в гости пришел дядя Коля, тот, что ветеринар. Увидел Доро, поздоровался, а потом дал совет:

– Ты ему массаж поделай на этот отросток, глядишь, он им и шевелить начнет.

А я и так массаж делал, в книжке про птиц прочитал. Однажды, когда Доро одним крылом сильно забил при виде птиц, отросток у него тоже... чуть зашевелился. Почти незаметно и слабо. Но я его разминал, а дед всё надо мной смеялся: «Мни, не мни, а всё равно летать ему не на чем! Дурью не майся».

В тот вечер я уставший вернулся домой. Мы дежурили по классу. А ещё совсем скоро мой день рождения. Бабушка сказала, что дед заболел, и мне лучше его не беспокоить. Я было послушался, но тут услышал, что из комнаты деда доносится знакомое: «Киау!» и побежал туда. Бабушка одернула меня за плечо.

– Негодник! Сказала ведь, не ходи к деду! Иди вон, Меньке сметаны дай. Я свежей принесла!

– Бабуля, но я слышал, будто там Доро...

– Что Доро? В комнате твой Доро, под кроватью целый день сидит, дуется. Снова птиц видел. Иди на кухню, говорю.

Я с недоверием поглядел на бабулю. Я был уверен, что из дедовой комнаты кричал Доро. Его кряканье-мяуканье я бы ни с чьим не перепутал! Но послушался, пошел на кухню. Князь Меньшиков ласково терся об мои ноги. Я налил ему сметаны и вдруг услышал:

– Давай его сюда... Ну тихо, тихо. А то услышит, – шептала бабушка. Она захлопнула дверь в дедову комнату. И еле слышно направилась в мою...

Я сунул Меньке сметану и пулей полетел к себе. Как я и думал, бабуля уже была в комнате! Увидев меня, она ничуть не смутилась. Деловито вздернула брови. И сделала вид, будто она вытирает пыль с подоконника. Но руки её не слушались, чуть дрожали. А подоконник я сам протирал утром, поэтому для бабули работы не нашлось. Она задернула занавеску и сказала:

– Немного прибрать хотела, да чисто у тебя, несмотря на зверинец! Шторку задерну, а то птицы мимо пролетают, а наш пернатый волнуется... – бабушка устремилась к двери, ещё раз оглядела комнату на предмет чистоты и добавила:

– К деду не ходи. Простудился он. Пускай отлежится чуток.

– А если я захочу зайти?

– Ремня получишь, хоть и большой уже, – улыбнулась бабушка и закрыла за собой дверь.

Стоило ей уйти, как из-под кровати выбежал Доро. Взъерошенный какой-то. Глаза светятся. Крылом одним хлопает, лапками быстро перебирает.

– Что случилось, малыш? – спросил я.

Доро носился по комнате и пищал, но не громко, словно птичьим шепотом доверял мне какую-то тайну. Впрочем, я так тогда ничего и не понял. Погладил его по голове, взял на руки и принялся делать уроки.

Через час мы ужинали. Бабушка, князь-обжорка и Доро. Дед к столу не вышел.

Прошло два дня. Совсем скоро мой день рождения, а дед всё ещё хворает. Странно всё это, подумал я. И вопреки наказу, решил заглянуть в его комнату.

Сначала приложил свое ухо к двери. Дед явно не спал. Я отчетливо слышал, как за дверью что-то происходит. Я разобрал стук его инструментов, лязганье и шуршание. И тут из-за двери донеслось:

– Может, хватит ушами о дверь тереться? – это дед говорил, причем вполне бодрым голосом. – Сбегай-ка лучше за нашим другом-врачом.

– За каким ещё врачом? – не сразу понял я.

– За Колькой беги! – выкрикнул дед.

Я вихрем выбежал из дома. Дядя Коля ничуть не удивился, когда я позвал его к нам, а только улыбнулся загадочно. И прикурил. Как же мне надоели эти недомолвки! Что они все скрывают? Я уже большой, и мне можно доверять тайны! Вот дома я так им и скажу. Так я думал, когда мы заходили в парадное. Но стоило нам подняться наверх, как дядя Коля тут же, не снимая пальто, направился в комнату деда и закрыл дверь перед моим носом. Я закричал! Забарабанил кулаками, требуя впустить меня. Но заговорщики не обращали внимания! Тогда я от обиды побежал в свою комнату, хотел пожаловаться Дору, но его...его там не оказалось! Я вновь кинулся к деду. Бабушки дома не было, а то она, конечно, меня бы остановила. И я продолжал стучать в дверь и верещать, как дикий поросенок.

Дверь открылась. Я увидел деда, сидящего за своим огромным рабочим столом. И дядю Колю, нахмурившего брови. А на столе.... На столе среди многочисленных банок с клеем, лески, паяльников, красок и прочих дедовских инструментов стоял Доро! И казалось, он рад меня видеть! Но что-то в нем было не так! Крыло! У Доро появилось недостающее крыло! Такого же размера, как здоровое, только... красного цвета. Как такое возможно? В руках дед держал ещё одно красное крыло – на вырост! Я с удивлением глядел на всю эту тройцу и думал, что вот-вот мои глаза выпадут на пол и закатятся под кровать.

– Что всё это... – начал было я.

– Здравствуй, внук, – гордо, но в то же время сердито заговорил дед. – Вот ты всё и испортил! Молодец! Поздравляю, так держать!

– Да что вы здесь делаете? Деда, дядя Коля! – я попытался приблизиться и забрать Доро. Он же, напротив, крутился, как модница, и глядел на новое крыло.

– Что это? – спросил я.

– Это крыло! Не видишь, что ли? – невозмутимо ответил дед.

– Вижу... Но Доро, наверное, больно? – недоверчиво прошептал я, касаясь красного искусственного крыла.

– Не больно, – сказал дядя Коля, – всё по-медицински точно и по-мастерски искусно! Эх ты, дурень! А не ты ли канючил: «Дедушка, помоги, помоги!» Забыл? Спасибо деду скажи. Это тебе, между прочим, подарок на день рождения! Птица чайка! Эксклюзив с авторским крылом.

Я не знал, что и сказать. Мне казалось, что я проваливаюсь сквозь землю. Меня переполняли самые разные чувства! Радость! Удивление! Стыд за свое нетерпение... Я, конечно, знал, что дедушка может всё! Ведь он великий мастер! И даже в самолетах разбирается... но чтобы так!

– И теперь он будет летать? – спросил я.

– Если будешь с ним заниматься, то полетит! Вот со стола на пол он уже научился за неделю! Остальное – твое дело, – сказал дед и обратился к Доро:

– Невоспитанный у тебя хозяин, да? Нехороший, да? Ну-ка покажи ему, как ты умеешь!

Доро сосредоточился, разбежался, прыгнул. И поддерживая себя обоими крыльями, опустился на пол, напугав Меньку, который прибежал на шум.

– Дедушка! Спасибо! Спасибо! – кричал я.

Уж как он это крыло сделал, не знаю. Секрета дед так и не раскрыл... да и не до этого потом стало. А помню только, как мы с Доро принялись осваивать полеты. Сначала дома: от стенки к стенке, с комода на пол, со стола на диван. А когда пришла весна, и на улице. Дед, Доро и я. Дедушка был уверен, что мы научим Доро летать. Он сделал ему красное крыло, чтобы не спутать его с другими чайками. Да и если честно – просто бабушка не нашла подходящей краски! А дед хотел успеть к моему дню рождения и выкрасил тем цветом, что подвернулся под руку... Но ведь красиво вышло! И Доро нравилось!

Светлана Радаева

Летающий Чайник

Ранним сентябрьским вечером дома было тепло и уютно: гудел огонь сквозь печную заслонку, тикали часы на столе, негромко разговаривали мама с бабушкой, а рядом, свернувшись в клубочек, урчала кошка Муська.

Папа сидел на кухне и терпеливо смотрел на кастрюлю с макаронами, дожидаясь, пока семья соберется к ужину.

Ничто не нарушало тишины, когда раздался удивленный возглас:

– Колбасные!

– Это ты про что? – спросила озадаченная мама.

– Про ужин, – сказал папа. – Удивительные макароны! Ты где такие купила?

Мама пожала плечами:

– Самые обычные. Всегда беру. Кажется тебе, что ли?

Где ты видел колбасные макароны?

– Они у нас в кастрюле.

– Но я брала простые макароны! – мама заглянула в свою кастрюлю и выронила крышку. – И правда – колбасные...

– Батюшки! – заохала бабушка. – Только домовый мог такое сотворить – больше некому.

В глазах Луизы вспыхнули задорные огоньки, и Таня с Катей без труда угадали, чьи проделки с макаронами.

– А наш домовый – какой? – с интересом спросил пятилетний Миша.

– Откуда ж мне знать? – от души удивилась бабушка. – Он же невидимый.

– Расскажи! – попросил Миша.

Бабушка поглядела в кастрюлю и опустилась на стул, собираясь вспомнить истории про домовых и приведения.

Из-под стула выскочила проворная серая тень.

Таня, Катя и Луиза бросились врассыпную.

– Домовой! – ахнула перепуганная старушка.

Миша пристал к папе.

– Где? Где домовой?

– Это была мышка, – объяснил папа. – Ну, понимаешь, маленькая мышка, с длинным хвостиком...

– А она тоже невидимая?

– Была б невидимая – наши девчонки бы так не шумели.

– Мышка! Мышка! – кричали девочки, толпясь в дверях. – Спасите-помогите!

– Тише! – успокаивала всех мама. – Муська ее поймает. Да вы что, мышь впервые увидели?

Муська от шума прижала уши, недовольно махнула хвостом и скрылась.

– Под столом! За шкафом... К нам побежала! Ой, это не мышка!

Таня быстренько выскочила за ограду и от избытка эмоций залезла на дерево.

Через несколько секунд на верхушку взбирались Катя и Луиза.

– Крыса? – спросила Таня с ветви. – Так я и знала!

Катя плакала.

– Ой, покусает она Муську!

Тетка, идущая мимо, с любопытством остановилась.

– Что у вас случилось?

– Крысомышь! – всхлипнула Катя.

– Новая порода мышей? Это надо посмотреть! Об этом надо порассказать!

– Ну вот, дошумелись! – проворчала Таня. – Тетка Варвара – тут как тут.

Луиза удивилась:

– Просто чемпион по бегу!

– Сейчас всю деревню за минуту соберет.

Тетка Варвара на всех парах мчалась впереди толпы.

– Громадная! Длинной... около метра! Хвост серебристый с золотом...

– Во дает! Даже мне такого не придумать, – прошептала Луиза.

– Первая выдумщица на деревне... Увидит блестящий камешек – назовет куском золота, найдет пять копеек – говорит, нашла пять долларов.

– А другие что ли не знают про выдумки?

– Знают. Но она так заразительно рассказывает...

– Ш-ш-ш... Смотрите! – прервала Катя.

Толпа ввалилась в распахнутые ворота.

Катя, Таня и Луиза вытянули шеи.

Несносная девчонка шепнула:

– А что, если и правда сделать хвост с золотом?

– Тихо! – шикнула Таня.

– Да, – внезапно согласилась Луиза. – Лучше не надо...

Из ворот доносился удивленно-негодующий голос мамы и оханье бабушки.

Смеясь на все голоса, толпа высыпала обратно.

Осталась только главная выдумщица.

– Небось, извиняется за причиненное беспокойство, – предположила Таня. – И рассказывает про крыс с серебряными и золотыми хвостами...

– Боюсь, что не про крыс, – сказала Луиза.

– Откуда знаешь?

– Скорее, про меня.

Катя с Таней переглянулись. Сначала их взгляды были недоумевающими, потом – вопросительными, а затем – громко требующими все рассказать.

Катя, которая устала держаться за ветки, спросила:

– Луиза, а это очень страшно? Если страшно – предупреждай заранее. А то я с дерева свалюсь.

– Нет, это скорее смешно... в некоторой степени. Мне пришлось побыть «домовым» не только у вас.

– Ой! А где еще?

Близняшки удивились, но не сильно. Они знали, что с Луизой всегда связаны неожиданности и удивительные события.

Вот волновались Катя и Таня гораздо сильнее, потому что действительно полюбили несносную девчонку, как сестру. Такой она оказалась замечательной!

– Я решила проучить эту хвастливую выдумщицу. Хотя, как видно, она ничуть не исправилась.

– Как все было?

– Очень просто: я шла по деревне, ничего не делала и услышала голос тетки Варвары. Она рассказывала соседскому мальчугану, что бывают Летающие Чайники. Причем с радужными крыльями и хвостом. Представьте: кем может стать после такого рассказа доверчивый мальчик? Хорошо, если профессором, ищущим никому неведомое научное открытие. А если фантазером? Тоже ладно – он может фантазировать смешные истории. Ну, а если он начнет с утра до вечера бегать по полям и искать этот Летающий Чайник? Распугает всех птиц, подавит все грибы, обпоит маму с папой валерианкой!

В общем, я не удержалась, достала волшебный лак. И у её чайника появились радужные крылья, хвост как у павлина и блестящий клюв...

– Э-эй! Эй! – вскричала Катя. – Я падаю!

– От того, что устала держаться за куст?

– Нет, от твоего рассказа!

Катя разжала руки и плюхнулась в густую траву. Но тут же высунулась и сказала:

– Я же предупреждала.

– Извини. Клянусь, если бы ты сидела на высоком дубе, я не стала б тебе этого рассказывать!

– Вот спасибо! Выходит, в этот раз мне повезло, – бурчала Катя.

– Ну, не сердись! Я – это я, тут уж ничего не поделать. Хочешь, подарю волшебную расческу, чтобы ты прекратила дуться?

– А я и не дуюсь, – Катя миролюбиво терла ушибленные колени. – Просто учусь падать... А что за расческа? Волшебная?

– Придумала специально для тебя, – пояснила Луиза. – Проведешь по волосам – получится любая прическа, какую задумаешь.

– И даже кудряшки?

– Да хоть коса до пояса.

– Вот здорово!

– Но придется делать вид, что это ты так хорошо причесалась.

– А... А разве чайники – едят? – возмущенно закричала она.

– Он жадничает, – уточнила несносная девчонка. – Ничего он не съест – про запас прихватил.

– Погоди...– озадаченно переглянулись близняшки. – Чайник что – неизвестно куда улетел?

Луиза смутилась.

– Он такой хороший вышел – я сама не ожидала. Только говорить не умеет.

– Но нельзя же допускать, чтоб он порхал себе на воле! Кто-нибудь когда-нибудь его обнаружит – и тут такое начнется... Веселенькая жизнь, нечего сказать! – повторила Таня папины слова, высматривая над деревней что-нибудь с радужными крыльями.

– Что начнется?

– Сюда нагрянут фотографы, журналисты, телевидение и целые толпы любопытных. И все они станут охотиться по нашим полям. Это же сенсация: чайники – летают! Немедленно начнут выяснять, как так получилось, от чего свершилось это чудо, и докопаются до тебя и лака. Тогда нас будут выслеживать! Пока не решат, что либо они сошли с ума, либо мы. Понимаешь, взрослые – реалисты.

– А если поверят, тогда еще хуже, – сказала Катя. – Твой лак могут забрать. Или захотят похитить его вместе с тобой... Ой!

– А чайник разберут на память по кусочкам, – добавила Таня.

– Бедный Летающий Чайник! – огорчилась Луиза.

Солнце припекало спины, опускаясь за горизонт.

На завалинке невозмутимо дремала кошка Муська, победившая «крысомышь».

А в вышине не было даже облачка, не то что – Чайника.

– Ой, что будет! – сокрушалась Катя.

– Я знаю, что! – сказала Таня. – Собираемся в путь и идем искать. Ищем, пока не найдем. Или пока не стемнеет. Главное – пока его не увидел кто-нибудь раньше нас. Вперед!

Луиза и Таня были уже в полной готовности к поискам.

Катя заморгала, отступила к забору и попросила:

– Только, чур, без меня.

– Это почему еще? – закричала возмущенная близняшка.

– А у нас завтра контрольная по русскому... – сказала несчастная Катя.

Таня открыла рот, но не нашлась, что возразить.

Контрольная намечалась на завтра.

А у Кати была заветная мечта получить по русскому пятерку.

– Послушай! – вместо Тани сказала Луиза. – Ты что, забыла про волшебный лак?

– Нет, – сказала Катя. – Так не годится. Так любой может. А я хочу без волшебства. Сама понимаешь? Флакончик с лаком – вещь замечательная. Но им лучше пользоваться, когда надо сделать то, что не в наших силах. А если пятерка – в моих силах, то зачем мне волшебство? Только не обижайся.

Луиза и не думала обижаться – наоборот, похвалила:

– Молодец, Кэт!

– А ты случайно не хочешь отличницей стать? – спросила Таня.

– А что, если хочу?

– Ты серьезно? Ну и ну! Отличница Катя Корзинкина! Гордость 3 «Д» класса и всей школы!

– Не смейся! Нам задали придумать сказку. А я не придумала ни слова, – Катя вздохнула. – Так что пойти я не смогу.

– А хотелось бы?

Катя вздохнула еще горше.

– Спрашиваешь!

Луиза и Таня переглянулись. Нет, Катя была совсем неплохой сестрой. И без нее им гораздо труднее будет проводить поиски.

– Спокойно! Пойти ты сможешь – возьми учебник и будешь повторять по дороге.

– А сказка?

– Считай, что ты ее придумала. Ведь про Летящие Чайники никто не напишет ни слова! Разве справедливо? А для

остальных действительно получится сказка. Надо только предупредить, что мы уходим.

Таня быстро шмыгнула в ограду разыскивать маму.

Ей открылась такая картина: угол дома возле крыльца, старый стол под окнами веранды, выброшенный за ненадобностью. Рядом со столом – немного растерянная мама, явно не знающая, как освободится от напирющей на нее тетки Варвары.

– Говорю же, я его видела! Он летал, летал, лета-ал... – твердила тетка. – У него были крылья и хвост! И это был мой чайник!

– Хватит, Варвара, мне надоело. Сначала ты привела сюда полдеревни, чтобы показать невесть какое существо из золота, а теперь выдумываешь Летающий Чайник. Да где это видано, чтоб чайники летали?

– У меня в доме, – ответствовала тетка Варвара, – она очень огорчилась, что ей не поверили. – Я ведь говорю чистейшую правду.

– Нет, не верю, – мотнула головой мама. – Хотя, может быть, ты мне его покажешь?

– Но он выпорхнул в окошко и улетел! – воскликнула тетка.

– А куда? – с улыбкой поинтересовалась мама.

– Ах, если бы я могла знать! Зато твоя Луиза стояла неподалеку и все видела, – тут тетка понизила голос и зашептала. – Скажи по секрету, где ты ее такую взяла? Или это тайна?

Таня решила, что настал самый момент вмешаться.

– Мам! Можно нам пойти погулять?

– Конечно-конечно, – рассеянно ответила мама.

Любопытная тетка Варвара тут же прекратила свой шепот и стала в сторонке, предварительно сделав такое выражение лица, будто бы она здесь вовсе была ни при чем, и будто бы до Таниного прихода совсем-совсем ничего не было.

– Какой милый ребенок! – любезно сказала тетка. – Ты Таня или Катя?

– Я – Таня, – сказал «милый ребенок». – А про Луизу у нас нет никаких тайн. Где взяли – там таких больше не раздают.

Зуля Стадник

Клюша, Шпунчик и Керосин Бензинович, или Детский сад на колесиках

Знакомство

Из-за угла выглянул оранжевый ковшик, показались колеса и снова спрятались.

- Выходи, не стесняйся!
- Не выйду! – гудит он в ответ.
- Почему?
- Потому что выеду!

Знакомьтесь! Это – экскаватор по имени Клюша. Он еще маленький, размером с табуретку. Но обязательно подрастет и станет большим и сильным, как мама.

Мама Клюши работает на дорогах. Она копает землю и складывает ее большими кучами. Это интересная и важная работа.

- Мама! – просит Клюша. – Возьми меня с собой.

Он зажмуривает фары и представляет, как забирается на высокую земляную гору, выкопанную мамой, и несется с нее – уух-х!

– Нет, Клюшенька, – отвечает мама. – Тебе еще надо вырасти и многому научиться.

Они собираются и едут в детский сад. В первый, в самый первый раз!

– Не гуди слишком громко, если тебе что-нибудь не понравится, – наставляет мама. – И постарайся с кем-нибудь подружиться.

Клюша робко въехал в свою группу. Нерешительно бибкнул и прижался к стене. Она была оранжевая, как и сам экскаватор.

«Я постою здесь, пока мама не придет, – подумал он. – Может меня никто и не заметит».

– Ага, я тебя нашел! – вдруг завопил рядом какой-то маленький паровоз и постучал трубой об стену. – Чухи-чухи-тук! Теперь ты меня ищи!

И паровоз умчался быстро, только колеса сверкнули.

Экскаватор Клюша отлип от стены и поехал его искать. Он заглянул во все уголки и ямки, но нигде не находил.

– Чух-ха-ха! – прыснул кто-то сверху. Клюша поднял голову и увидел, что паровоз притаился в углу, только на потолке.

– Как ты туда забрался? – удивился Клюша.

– А вот так! – паровоз скатился по отвесной стене. – Я еще и не такое умею. Мама говорит, что очень уж я шустрый, и когда вырасту, стану скоростным поездом. А ты кем будешь?

– Экскаватором, как мама.

– А зовут тебя как?

– Клюша.

– А меня Шпунчик. Будем дружить?

– Конечно! – обрадовался экскаватор.

Тут в группу заехал большой бульдозер. Он был даже выше и шире Клюшиной мамы! А какой у него был грозный и строгий вид!

– Ой, кто это? – Клюша снова прижался к стенке.

– Да это же наш нянь Керосин Бензинович, – махнул трубой паровоз Шпунчик. – Он хороший, не бойся!

Клюша робко поглядел на няня, и тот приветливо моргнул ему фарами. Экскаватор сразу перестал бояться и тоже помахал ковшиком в ответ.

– А давай в догонялки играть? – предложил Шпунчик.

– Давай! – бибикнул Клюша и завел мотор.

Больше ему не хотелось прятаться у стенки. С таким другом, как Шпунчик – ни за что!

Морковная горка

В детском саду на завтрак принесли: бензиновый супчик с морковкой, бутерброды с машинным маслом, гречку с гачками.

Экскаватор Клюша с удовольствием уплетал и гречку, и бутерброды, а суп отодвинул в сторонку:

– Терпеть не могу морковку!

– Ну и зря, – сказал нянь Керосин Бензинович. – От морковки фары лучше светятся, и сил прибавляется.

– Все равно не буду!

После завтрака все машинки отправились гулять на площадку.

– Ух ты! – воскликнул Ключа.

Перед ним высились горы песка, виднелись мосты с крутыми поворотами и глубокие ямы.

– Давай на вон ту заберемся? – подкатил к нему паровоз Шпунчик и махнул трубой на самую высокую и крутую горку.

– Ого! – с уважением откликнулся Ключа. – Поползли...

– Поползли? Чух-ха-ха! – Шпунчик через пару секунд оказался на самой вершине.

Другие машинки вслед за ним бросились покорять гору. Они едва-едва смогли забраться на нее и теперь гордо мигали фарами с верхушки.

– Р-рух-р-рух-рух! – Ключа завел мотор и стартанул. Разогнался, но, доехав только до середины горы, скатился обратно.

– Еще попробуй! – крикнул ему Шпунчик.

Ключа снова разогнался и, изо всех сил ворочая колеса, ринулся вперед.

Опять не получилось!

– Ничего, – подбодрил его паровоз, – в этот раз ты выше залез.

Ключа попробовал в третий раз, но оттого что ужасно устал, одолел лишь несколько метров.

– Это оттого, что он морковку не ел, – хихикнул один тракторенок. – Вот и сил не хватает.

– Ну и что, – заступился за друга Шпунчик, – в следующий раз он съест этой моркови целую... гору. Да, Ключа?

Когда они вернулись обедать, маленький экскаватор попросил двойную порцию морковного супа.

– Так он ведь на завтрак был, – ответил Керосин Бензинович. – Сейчас другую еду принесут. Вот, смотри, тушеная капуста с дизельным топливом.

– Терпеть не могу капусту, – буркнул Ключа, но подвинул к себе тарелку.

Самолет

Экскаватор Ключа давно приехал в детский сад и все ждал, когда же появится паровоз Шпунчик. Он слонялся от стены к стене, поглядывал на дверь, а Шпунчика все не было.

Тут за дверью послышался шум, и Ключа рванул к прихожей. Приоткрыл дверь, заглянул, а там – никого.

Но дверь сама собой вдруг распахнулась, Ключа поднял голову и увидел, что в группу влетает маленький серебристый самолет. Он пронесся над потолком, оставив за собой пушистый белый след. Ключа засмотрелся на него, но тот вдруг обидно засмеялся и сказал:

– Что, недотепа? Ты так не умеешь!

– Сам недотепа, – буркнул Ключа, уехал в угол и только искоса наблюдал за новеньким.

А он принялся летать в разные стороны, вертеться на месте, делать кувырки в воздухе. Все машинки с восхищением уставились на него. Автомобиль Тобик даже начал махать передними дверцами, пытаясь взлететь, а тракторенок кувыркался на полу.

– На полу кувыркаться каждый может! – крикнул самолет. – А летать вы не умеете! Недотепы!

– Ну и что! – Ключа выехал из-за угла. – А зато у нас есть паровоз, который может ездить прямо по потолку.

– Враки, – засмеялся самолет. – Паровозы не ездят по потолку, это каждый знает.

– А Шпунчик умеет!

– Не умеет!

– Умеет! Вот, погоди, он сейчас приедет и покажет тебе.

И тут дверь раскрылась, и послышался веселый голос Шпунчика:

– Ту-ту, ребята! Чух-ха-ха!

Машинки бросились к нему и загудели, перебивая друг друга:

- Шпунчик, покажи ему!
- Шпунчик, залезь на потолок!
- А то он не верит!

Шпунчик удивленно озирался, а машинки подталкивали его вперед. Наконец, он заехал на стену, но оттого, что не успел, как следует, разогнаться, соскользнул вниз и больно ударился трубой.

– Вот! А что я говорил? – засмеялся самолет. – Не может паровоз на потолок забраться. Недотепы!

И он снова начал летать и кувыркаться.

– Это что еще за зазнайка? – спросил Шпунчик. – А ну его, пусть летает там один. Мы и внизу поиграть можем.

И Шпунчик придумал такую игру: ставить кубики и перепрыгивать через них. Сначала они поставили всего один кубик и легко смогли перепрыгнуть. Даже маленький автомобиль Тобик.

Через два кубика тоже все перепрыгнули, а вот через три было уже сложнее, а через четыре прыгал один Шпунчик.

Самолет сначала летал и кувыркался, а потом ему стало скучно, и он поглядел вниз. Машинки на полу перепрыгивали через кубики, смеялись и подбадривали друг друга:

- Клюша, давай, не бойся!
- Шпунчик, а через пять кубиков сможешь?
- Тобик, молодец!

Самолету тоже очень хотелось спуститься и попрыгать вместе со всеми. Он даже пожалел, что дразнил их.

Но тут его заметил Шпунчик:

- Эй, крылатый, будешь прыгать с нами?

Самолет опустился на пол, разогнался. Но когда кубики оказались рядом, он не прыгнул, а по привычке взлетел.

- Так нечестно! – загудели все. – Нужно перепрыгивать.

Самолет попробовал еще раз и снова взлетел, а не прыгнул, хотя ему поставили всего один единственный кубик.

– Вот недотепа, прыгать не умеет, – буркнул Клюша, но Шпунчик пихнул его в бок:

- Не дразнись, Клюша. Сейчас научим.

– Я не прыгал никогда, – оправдывался самолет, – даже не пробовал. Зато я летать умею.

– Летаешь ты здорово, – сказал Шпунчик. – А колеса слабенькие. Не заводи мотор, а просто толкайся колесами: раз-два. Давай попробуй на месте.

Скоро самолет научился и перепрыгивал через два кубика, а потом – и через три. Машинки одобрительно гудели, и самолет подумал, что никогда-никогда больше не будет дразниться.

– А хотите, – сказал он, – я вас покатаю? Под самым потолком!

– Хотим! – обрадовались машинки.

Репка

Всю ночь с неба падали белые хлопья, и утром мама Ключи отправилась на работу – складывать снег в кузова самосвалов.

Но машинки в садике тоже не сидели, спустив колеса. Вместе с Керосином Бензиновичем они разгребали снег на площадке.

Один только Ключа носился по снежным горам и ничего не делал.

– Ключа, иди к нам! – крикнул ему автомобиль Тобик. – Ты бы здорово нам помог своим ковшом.

– Некогда! – ответил Ключа. – Мне надо везде ездить и залезать. Я хочу стать быстрым, как паровоз Шпунчик.

Но машинки и без него справились, и вскоре площадка стала ровной и удобной. А из сугробов они налепили... нет, не снеговиков, а снегурвиков – так снежные грузовики называются с угольками-фарами и морковкой вместо выхлопной трубы.

Потом все машинки заехали под крышу, уселись на коврик в кружок, а нянь Керосин Бензинович читал им сказку.

– Народная сказка «Репка», – начал он. – Ехал один грузовик по дороге и провалился в яму. А яма большая-пребольшая. Едет-едет, а выехать не может. Увидел его паровоз...

– Это я! – обрадовался Шпунчик.

– Паровоз зацепился тросом за грузовик и потянул. Тянет-потянет, вытянуть не может. Приехал к нему на помощь автобус. Автобус зацепился за паровоз, паровоз за грузовик. Тянут-потянут, вытянуть не могут. Позвали они трактор. Трактор за автобус, автобус за паровоз, паровоз за грузовик. Тянут-потянут, вытянуть не могут. И тут мимо маленький легковой автомобиль проезжал по дороге и тоже решил помочь. Автомобиль за трактор, трактор за автобус, автобус за паровоз, паровоз за грузовик. Тянут-потянут...

– И вытянули! – восхищенно бибикнула вся группа.

– А почему они экскаватор не позвали? – наконец, спросил Ключа, все это время нетерпеливо ерзавший на коврике.

– Они, может, и звали, – предположил автомобиль Тобик. – Да ему некогда было.

Ключа виновато опустил ковшик и отвернулся.

– Но зато, – прогудел Шпунчик, заступаясь за друга, – экскаватор потом приехал и засыпал яму, чтобы грузовики туда больше не проваливались.

Ключа обрадовался, фарами засверкал, а потом огляделся и увидел, что на ковре раскиданы игрушечные колеса. Он подобрал их ковшиком и сложил в коробку.

– Я тоже полезный! – бибикнул Ключа. – Керосин Бензинович, а почему сказка называется «Репка»? Она же про грузовик!

– А-а-а, – вспомнил нянь, – в кузове-то грузовика репа лежала. Вот почему!

Колесики

Мама с Ключей по пути из детского сада заехали в магазин игрушек. У маленького экскаватора глазки-фары разбежались по прилавкам, где лежали целые горы самых разных колес: гладких, шипованных, красных, зеленых, синих!

– Мама, купи колесико! – воскликнул Ключа.

– Хорошо, – сказала мама. – Какое ты хочешь?

– Вон это! Вот то!

К ним подъехал продавец – бойкий мини-погрузчик.

– Дайте мне, пожалуйста, зеленое колесо с ромашками, – попросила мама.

Погрузчик уже потянулся за колесом, но Ключа взревел на весь магазин:

– Не-ет! Не это!

– А какое? – удивилась мама.

– Не это! Не этоооо! – Ключа заплакал еще громче и отпихнул зеленое колесо, так что оно покатилося в дальний угол магазина.

– Будешь так себя вести, мама тебе вообще ничего не купит, – пригрозил продавец.

Маме стало очень стыдно.

– Послушай, Ключенька, – сказала она тихо, поглядев ему прямо в лобовое стекло, – я ведь решила купить тебе колесо – такое, какое ты хочешь. Объясни мне, и я его куплю.

– Другое! Не зеленое! – крикнул Ключа.

– А какое? Может, вот это – полосатое?

– Нет!

– Или синее, с кнопочками?

– Нет! Нет!

– А какое?

– Вот это! Вот это! – запрыгал экскаватор, размазывая слезы по стеклу.

– Объясни, не понимаю, – устало помотала мама ковшом.

– Ааааа! – заверещал Ключа на весь магазин. – Хочу колесикоооо!

Мама схватила его за дверцу и потащила из магазина, а он упирался колесами и ревел, и бибибал так громко, что к нему съехались все машинки со своими мамами.

Наконец, они выбрались из магазина и отправились домой. Мама вздыхала, а маленький экскаватор трусил рядом и виновато моргал фарами.

– Я хотел, знаешь, какое? – наконец, прошептал он

– Ну, теперь уже в другой раз. Сегодня ты не заслужил.

– Ага, – всхлипнул Ключа.

Мама слепила маленькое колесо из снега и положила ему в ковшик. Ключа подкидывал его вверх, ловил и смеялся. И думал, что в следующий раз обязательно объяснит маме, что хочет колесо красное, блестящее, с узорами, с разноцветными мигалками!

Сила

В детском саду появился новенький. Это был самосвал с большим кузовом и огромными колесами. Он проехал мимо машинок, грозно зарывав:

– Дрын-дрын-р-р-р-р!

– Привет! – к нему подъехал любопытный Ключа с кубиками в ковше. – Будешь с нами строить башню?

– Вот еще! – самосвал толкнул его, и экскаватор полетел вверх тормашками, а кубики рассыпались по полу.

Автомобиль Тобик подъехал к Ключе и помог подняться, подталкивая в бок.

– Спасибо, Тобик, – замигал фарами Ключа. – Ты такой сильный!

– Что? – захохотал самосвал. – Этот малявка сильный? Это я сильный. Видал, как я тебя толкнул?

– Ты не сильный, – ответил ему паровоз Шпунчик. – Ты злой.

– А будешь драться, мы тебе тоже покажем, – и машинки сцепились вместе, чтобы дать отпор самосвалу. Но колеса у них все равно дрожали. Уж очень большой была эта машинка.

Самосвал двинулся к ним, громяхая кузовом, но тут же был остановлен Керосином Бензиновичем.

– Что это у вас тут происходит? – спросил нянь.

– Ну, давайте, няябедничайте, – запищал самосвал и оттого показался машинкам маленьким и совсем не страшным – тем более рядом с взрослым нянем-бульдозером. – Расскажите, как я вас тут задираю!

– Ай-ай! – пожурил его Керосин Бензинович. – Что же ты, Поршик, пришел в первый раз и уже со всеми поссорился?

Вот постой тогда пока в том гараже, если не можешь играть со всеми.

Самосвал Поршик обиженно засопел, но покатился в гараж. В приоткрытую дверь он подглядывал за машинками. Они строили башню и уже сделали девять этажей, и им оставалось поставить наверх последний кубик. Но они никак не могли дотянуться, хотя подпрыгивали изо всех сил.

Поршик выехал из гаража и осторожно приблизился к башне. Машинки от неожиданности испуганно бибикнули, но тут же снова нахохлились и сцепились.

– Только попробуй сломай! – прогудел паровоз Шпунчик.

– Да я не ломать... Можно я помогу? – и самосвал Поршик подхватил кузовом кубик и поставил его наверх.

– Ого, молодец, – восхитился Тобик. – Ты такой сильный!

– Не сильный, – скромно заворочал колесами Поршик. – Просто большой.

Вагоны

Однажды, приехав в детский сад, экскаватор Клюша увидел, что его лучший друг паровоз Шпунчик стоит, нахохлившись в углу. Это было удивительно. Обычно, он проносился мимо, выпускал дым и задорно гудел на весь детский сад.

– Привет, Шпунчик! – крикнул Клюша. – Вот и я! Давай в догонялки?

– Нет, – отмахнулся Шпунчик. – Я сегодня грустный.

– Что ты? Ты же самый веселый и быстрый паровоз на свете!

– Какой же я паровоз? У всех настоящих паровозов есть вагоны. А где у меня?

– Когда подрастешь, они у тебя появятся, – утешил его Клюша.

– Пока я подрасту, уж заржавею с горя, – сказал Шпунчик и отправился грустить в свой любимый угол на потолке.

Клюша позвал других машин, они собрались в кружок и долго о чем-то шептались и бибикали.

– Шпунчик, спускайся! – наконец, хором прогудели они.

– Нет, я тут останусь, – помотал он трубой.

– И бросишь свои вагоны без дела?

– Вагоны? – удивился паровоз и скатился к ним. – У меня нет вагонов.

– А мы? – пискнул автомобиль Тобик. – Мы – твои вагоны!

– Вы? Чух-ха-ха! Тогда цепляйтесь скорее!

Первым к Шпунчику кинулся Ключа и зацепился за него. А следом за ним и другие машинки.

Паровоз выпустил из трубы веселый дымок и рванул вперед. Он возил их по дорогам, мостикам, ямкам и даже по потолку. Машинки визжали от восторга:

– Ты самый шустрый паровоз на свете!

– А вы самые проворные вагоны, – прогудел Шпунчик на ходу, а потом радостно добавил:

– И самые-самые лучшие друзья!

Алина Валге

Один день игривой осени

Еще густой и тягучий туман не успел покинуть поля, как юный жеребёнок выглянул из стойла, втянул ноздрями влажный воздух и закрыл глаза. В округе пахло сыростью, и лишь изредка из глубины леса доносился легкий аромат подосиновиков. Токси потянул носом в ту сторону и представил, как чья-то человеческая бабушка счищает грубую шкурку с ножки гриба и мелко шинкует его вместе с молодой, только что выкопанной картошкой.

Токси тряхнул головой и сделал шаг в сторону леса, не зная, зачем, он побрел на запах подосиновиков, который становился всё отчетливее. Ноги тяжело распутывали нити тумана, окутавшие тонкие иголки травы и тяжелые подошвы деревьев. Серое небо пыталось спуститься все ниже, казалось, что ему тяжело постоянно висеть где-то над землей, и оно просто хотело забыть обо всем, повиснув на макушках деревьев всей своей необъятной тушей.

Вытаскивая ноги из вязущей белизны тумана, Токси прошел около километра, прежде, чем впереди появился пригорок, на котором ало-бордовой дрожью плясал осинник. Огромное семейство разновозрастных деревьев танцевало свой осинный танец.

Жеребёнок остановился и поднял морду. Тяжёлые с виду листья на удивление легко взмывали вверх от малейшего шепота ветра. Осторожно, не отрывая ножек, они раскачивались, дрожали тельцем, бросались вниз и тут же подпрыгивали обратно, ловя каждое малейшее дыхание ветра. В этом было что-то дикое и древнее. Казалось, что весь осинный род взывает к ведомым только им богам и своим нелепым танцем молит их не оголять деревья на зиму.

Восторженнее всех плясал самый молодой, практически росток, осиночек. Токси улыбнулся, наблюдая за его отчаянными попытками достучаться до божеств.

Прижавшись к ростку, у его ног сидел широкошляпый красавец гриб. Токси в очередной раз потянул ноздрями, чтобы убедиться в том, что именно этот подосиновик и заманил его на прогулку. Жеребёнок осторожно подошел к грибу, боясь спугнуть танцующих, и, обнажив белые зубы, откусил от шляпки. Медленно пережевывая кусок подосиновика, Токси завалился на бок и уронил голову на землю, зацепив несколько тонких стволов деревьев. Листья стремительно начали покрывать все его тело, маскируя под осенний лес.

Вдохновлённый своей находкой и танцем осин, Токси начал кататься на спине и громко ржать во весь голос, поддаваясь лесной эйфории.

Неожиданно для него юная зайчиха стремглав промчалась по радостно кувыркающемуся Токси и села прямо у него перед мордой, с удивительным любопытством разглядывая незнакомца.

Жеребёнок усмехнулся такой вольности зайчихи и, легонько поддев ее мордой, уронил в мокрую траву. Зайчиха, брезгливо потрясла лапой и с укоризной посмотрела на наглого чудака. Токси заржал во весь голос от вида ее мокрой шерсти, которая прилипла к телу зайчихи, делая ее больше похожей на облезлую длинноухую кошку, чем на стремительную и задорную красотку.

Зайчиха посмотрела на хохочущего Токси и отвернулась, надув губы. Какой-то чужак посмел смеяться над такой симпатягой. Надо же...

В отражении лужи у своих лап зайчиха увидела себя. Слипшаяся и торчащая комками шерсть, повисшие лопухами уши, грязный бок с прилипшими к нему листьями. Она напомнила сама себе длинноухого оцетинившегося ежика.

От такого зрелища зайчиха сама расхохоталась. Быстро развернувшись, она игриво ударила лапкой по морде Токси, заглянула ему в глаза, подмигнула и помчалась в лес. Токси вскочил на ноги и помчался за зайчихой.

Со всех ног он скакал за ней следом, периодически видя только ее мелькавший между деревьев куцый хвостик да

длинные уши. Иногда она останавливалась, махала запыхавшемуся Токси лапкой и снова срывалась с места. Весь день до вечера Жеребёнок пытался хоть на метр сократить расстояние между ними. Когда он уже терял надежду ее догнать, зайчиха останавливалась, бросала на него нежный взгляд из-за длинных ресниц, и он снова и снова, обретая силы, гнался за ней. Так они пробегали до самого вечера.

Измученный жеребёнок уже спотыкался о каждую валяющуюся под ногами ветку. Наконец, хитрюга остановилась на краю леса, откуда изначально пришел Токси. Бросив на него игривый взгляд, она потеряла лапками мордочку, причесала ушки и длинными прыжками гордо поскакала восвояси. Обессиленный Токси непонимающе смотрел вслед удаляющейся зайчихе. Когда она скрылась в кустах, он призывно заржал, но никто не откликнулся. Он хотел было броситься в очередной раз за ней, но ноги предательски подкосились, и Токси упал на колени на жесткую землю.

Ночь ласково окутывала всё вокруг и убеждала Токси идти домой, но он продолжал стоять на коленях и смотреть на кусты, в которых исчезла его сегодняшняя новая знакомая. Солнце спряталось за опушкой леса, а упрямый жеребёнок пытался вглядываться во тьму, ожидая появления красавицы зайчихи.

В голове он снова и снова прокручивал события сегодняшнего дня в попытках понять смысл этих забегов, её остановок, её взглядов, которые звали бежать дальше.

Токси страдал. Каждое мгновение воспоминаний их игривой встречи в осиннике наполняло его молодое сердце невыразимой тоской.

Книжки – не еда

Однажды зимним утром маленький панда Айра, вертясь в своей кроватке и сладко зевая, отгонял лапкой солнечных зайчиков, разыгравшихся на его одеялке. Мама-панда заглянула к нему в комнату.

– Вставай, малыш Айра, солнышко уже давно светит, а ты все лежишь, мой медвежонок.

Мама достала его из кровати и понесла на кухню с огромной верандой. На веранде лежал снег, и маленькие белые мухи кружились в быстром танце, забавляя Айру.

Айра звонко смеялся и покачивался в такт этому озорному танцу. Вообще маленький Айра очень любил книжки. Он не умел читать, но яркие обложки завораживали его. Больше всего ему нравились книжки с картинками. Айра мог часами рассматривать их, аккуратно трогая лапкой красивые цветные рисунки. Яркие краски напоминали ему цветы.

Он вспоминал их запах, их нежную пыльцу и чудных бабочек, летавших вокруг этих цветов. Поэтому Айра иногда нюхал книжки, думая, что они должны пахнуть, как его любимые цветы. Каждый раз он грустно откладывал книжку, понимая, что её запах не похож на цветочный. Мама-панда подходила к нему и ласково говорила: «Малыш, ты же ещё не умеешь читать, зачем ты берёшь книжки?»

Но маленький Айра был ещё слишком крохотный, чтобы понимать, что такое чтение. Он только смотрел на маму большими чёрными глазками и удивленно хлопал ресничками. От смущения он начал волноваться и неожиданно стал жевать книжку. Больше всего ему понравились вкусные желтоватые странички – ведь они так легко отрывались. С тех пор он стал есть книжки. Мама-панда забирала их у него и прятала в шкаф, но Айра все равно находил их и жевал.

Он ел книжки до тех пор, пока не вырос и не научился читать. И с тех пор жалел, что съел так много интересных книжек, которые так и не успел прочесть.

Подари мне тепла (сказка)

Снежинка на бешеной скорости ударилась об облако, которое и без того было очень сильно раздражено с утра, и этого наглого столкновения хватило, чтобы окончательно довести облако до состояния бешенства.

«Вот же дурында! Носятся тут всякие! Да как только смелости хватает!» – вспыхнуло облако и, доведенное до крайнего возмущения, взорвалось. В этот момент небо заполнили сотни тысяч снежинок. Они кружились, радовались, смеялись и стремительно летели вслед за той самой, которая стала причиной появления их на свет. Огромный рой крошечных пушистых существ на полной скорости нёсся вниз, к земле.

Маленькая Улитка, после того, как что-то мерзкое, колючее и невероятно холодное приземлилось на одну из её прелестных рожек, съёжилась и начала заползать в свою раковину.

«Опять эта дурацкая зима! – ворчала Улитка. – Придется теперь печку топить, чтобы не замёрзнуть». И пока она ворчала, сотни маленьких снежинок осторожно опускались на её панцирь, словно просились в гости.

Улитка очень не любила зиму, единственное, что ей нравилось в это время года – потягиваться у камина и разворачивать подарки на Новый год. Улитка собралась с силами и начала вылезать из раковины. Её рожки всё ещё сжимались от столкновения с белыми холодными снежинками, но надо было как можно скорее ползти домой.

Её кожа содрогалась от холода с каждым новым рывком, а до дома оставалась еще немало. «Мне надо думать о чем-то прекрасном и теплом, чтобы согреться», – думала и, медленно продвигаясь миллиметр за миллиметром, все старательнее пыталась вспомнить самое тёплое, что было в её жизни.

В памяти начал всплывать мамин голос, который звал её, в какой-то момент голос стал настолько реальным, что она повернула свои рожки в ту сторону, откуда он доносился.

Внезапно темнота усилилась, потому что крошечные снежинки затмили солнце. «Надо быстрее доползти до наступления ночи», – подумала Улитка. Из всех своих сил, она бросилась вперёд подальше от надвигающейся бури. Страх гнал ее домой, мысли – это всё, что у неё оставалось в данный момент. Ей было суждено замёрзнуть или выжить, а зовущий мамин голос придавал ей скорости.

«Как хорошо, что я уже не маленькая и могу сама добраться до дома», – подбадривала себя Ули.

Спустя несколько часов, буря прекратилась, последние её вестники мягко приземлились в белой пустыне. Посреди белоснежного безмолвия виднелось одно темное пятнышко, которое упорно двигалось вперед, несмотря на то, что весь мир вокруг упорно пытался сжаться и утеплиться, а вокруг безмолвным эхом слышался голос, который выкрикивал одно единственное имя.

...В камине привычно потрескивали дрова, в комнате витал едва уловимый запах блинчиков с клубничным вареньем, а на столе витиевато устраивал зимний танец своими парами имбирный чай. Маленькая Ули лежала под тёплым флисовым пледом и мечтала о празднике с украшенной разноцветными игрушками ёлкой и подарками. Тепло домика разморило её и унесло мысли о празднике в заоблачную даль, где она старательно пыталась накарябать ручкой «Здравствуй, дедушка Мороз! Я не хочу куклу или пони. Подари мне, пожалуйста, больше тепла!», а теплый мамин голос звал ее по имени, и теперь казалось, что все то время он оберегал её и был рядом.

Маргарита Иванцова

Одуванчик

Что за цветочек одуванчик?
Одет он в белый сарафанчик,
И шапка белая на нем.
Он утром в шапочке и днем.
Лишь только дунул ветерок,
Уже он голенький, продрог.
Наверно, у него простуда,
Но я-то знать могу откуда?

Короткова Ирина

Подарок Лисёнка

Солнечные лучи пробивались сквозь занавески. Мальчик Топ-топ неспешно открыл глазки и вспомнил, какой волшебный сон ему приснился сегодня ночью. А ведь это было целое приключение! Карта сокровищ, корабль, буря, необитаемый остров и сундук!

– Жаль, что не успел посмотреть, что было в сундуке...

Не успел Топ-топ произнести эту фразу и увидел на полу, рядом с кроватью, сундук.

– Неужели это был не сон? – Топ-топ удивленно поднял бровь и поспешил к сундуку.

– Осторожнее! – послышался тихий голос откуда-то снизу.

Топ-топ поднял ногу и увидел, что чуть не наступил на маленький, пушистый, рыжий комочек.

– Доброе утро, – с замиранием сердца сказал Топ-топ. – Кто ты и как сюда попал?

– Я – Лисенок. Помнишь, еще зимой мы часто играли с тобой, твоя мама была как будто лиса, а мы с тобой играли, резвились, а потом возвращались к нам в нору, и мама обнимала нас нежно-нежно. Ты меня придумал тогда, и я появился. Все лето я скучал по нашим играм. И однажды, наблюдая за звездами, я придумал для тебя подарок. Вот этот волшебный сундук!

– Волшебный? А что в нем?

– А в нем есть все для веселых интересных игр! Я пол-лета собирал, – ответил Лисенок.

– Можно я загляну?

– Конечно!

И Топ-топ с нетерпением приоткрыл крышку сундука, ожидая увидеть несметное количество игрушек. Он удивленно посмотрел на Лисенка. Слезы разочарования вот-вот хлынут из его больших, голубых глаз. Но он взял себя в руки, чтоб не расстроить друга своим разочарованием.

Ведь Лисенок так старался, с такой любовью выбирал подарок для него.

– А как с этим играть? – спросил Топ-топ, показывая на веточки, тряпочки, шишки.

– В любой игре главное – фантазия! И эти предметы могут стать всем, чем пожелаешь! Вот эта зеленая ткань будет полевой, а вот эти шишки, если их перевернуть, похожи на ёжиков. Моего ёжика зовут Пых. Давай он к твоему в гости придет?

– Давай! Только я дом ему построю из этих палочек! – радостно воскликнул Топ-топ и принялся с энтузиазмом строить. – А если поставить этот кругленький спил на тот кубик получится стол! И чайник сейчас слеплю, и пирог, – сказал Топ-топ, доставая теплый и ароматный пчелиный воск. Они с мамой собирались сегодня лепить, и мама его уже согрела. Когда все было готово к приему гостей, в дверь постучался ёжик Пых.

– Тук-тук-тук, – раздался пыхтящий голос Лисенка. У него очень хорошо получалось изображать ежа.

– Кто там? – ответил сопящий голос Топ-топа из-за двери.

В этот момент у мальчика Топ-топа заработало воображение с такой силой, что он уже ощущал себя не мальчиком, а ёжиком Лучиком, ощущая иголки на своей спине. Он уже был не в своей комнате, а в маленьком домике с уютным камином и ароматным пирогом с ягодами на столе.

– Это я – Пых, – ответил голос из-за двери.

– Заходи, Пых, как же я по тебе соскучился! – ответил ему Лучик.

– Лучик, а чем это у тебя так вкусно пахнет? – поинтересовался Пых.

– Я испек пирог с ягодами и заварил чай из сосновых иголок. Садись за стол, я тебя угощать буду, – улыбаясь, ответил Лучик. Его не зря так называли, рядом с ним всегда было хорошо и тепло.

– Благодарю, с удовольствием отведаю кусочек пирога, только руки помою, – и Пых, шурша ножками, отправился мыть руки с душистым мылом.

Пока Пых мыл руки, Лучик постелил льняную скатерть, разрезал пирог и положил на свои любимые белые тарелочки с голубыми незабудками по кусочку. Налил в чашки изумрудный чай. Лучик зажег свечу в старинном подсвечнике и задумался.

– Как же уютно у тебя, Лучик! – сказал очарованный Пых своему другу.

– Усаживайся поудобнее, – Лучик помог Пыху удобно разместиться в кресле-качалке у камина.

Друзья стали неспешно пить чай с пирогом.

– Лучик, я ведь не просто так пришел. Я нашел в дупле старого дуба старинную карту! Поплыли вместе на поиски сокровищ? Я уже и корабль построил!

Лисенок достал кусок коры, палочку, лоскуток и соорудил из них корабль. Расстелил голубую ткань для моря и пришвартовал корабль к причалу. В роли которого выступала небольшая веточка, с удачно расположенным сучком, за который можно привязать корабль особым морским узлом.

– Сокровища? Я обожаю приключения! Конечно, я поплыву с тобой! Когда отправляемся? – с нетерпением стал расспрашивать Лучик.

– Как только соберем все необходимое, сразу в путь! – ответил Пых.

Друзья собрали все необходимое и отправились к морю, где их ждал корабль.

– Отдать швартовы! – громко крикнул Пых, Лучик отвязал канат от причала. И корабль легко заскользил по поверхности воды.

– Согласно карте, нам надо плыть на север, пока не увидим остров, – сказал Пых, рассматривая карту.

С моря дул легкий бриз, и наши путешественники наслаждались прекрасным морским путешествием. Неожиданно стали сгущаться тучи, море потемнело, волны становились все выше. Вода заливается на корму, корабль вот-вот потерпит бедствие! В этот момент Лучик вспомнил, что всегда, когда он начинает петь свою любимую песенку, выглядывает солнышко! И Лучик запел:

Утро начинается, начинается.

Город улыбается, улыбается.

Открываются окошки, разбегаются дорожки,

Громко хлопая в ладошки, запели звонко дети.

Раз, два, утро, три, четыре, пять, приходи играть, приходи играть.

Вместе с нами приходи играть... Здравствуй, утро!

И действительно шторм стал стихать, море успокоилось, а сквозь тучи стали пробиваться лучики солнца!

– Удивительно! – с восхищением сказал Пых.

– Когда я пою, я вкладываю в песню всё сердце, всю свою любовь и происходят чудеса. Земля! Земля! Я вижу землю! – воскликнул Лучик.

Пых внимательно посмотрел в свой бинокль и грустным голосом пробормотал:

– Кажется, мы опоздали. Рядом с островом причалил пиратский корабль.

– Быть может, они еще не нашли сокровище?

– Они нас заметили и заряжают пушки ядрами! – воскликнул Пых. – О, могущественный морской дух, защити нас от гибели! – произнес Пых, вкладывая всего себя в эту просьбу. И произошло чудо! Корабль пиратов накрыло волной и унесло на дно морское, а пираты оказались на берегу, куда вскоре причалил корабль Пыха и Лучика. Моряки с радостью встречали своих освободителей. Оказалось, что они были во власти злых чар корабля-призрака. И теперь, когда он на дне, моряки вновь стали добрыми!

– Куда вы держите путь? – спросил капитан Пыха и Лучика.

– Мы ищем сокровища, они должны быть на этом острове, – ответил Пых. – Вы пойдете с нами?

– Конечно! – хором ответили моряки, и они все вместе отправились в путь.

Их ждали глубокие овраги, густой лес, бурные реки и высокие горы. Но они нашли то место, которое было помечено крестиком на карте. И нашли сундук с сокровищами!

– Какое чудесное приключение, – говорил Лучик, отпивая из чашки ароматный чай, сидя в своем любимом кресле у себя дома.

– Лисенок, какое чудесное превращение! Действительно, в игре главное – фантазия! У нас были такие простые предметы, как палочки и шишки, а мы столько всего придумали, смастерили и создали свой волшебный мир, где все возможно.

– Я счастлив, что тебе понравился мой подарок, – доволью промурлыкал Лисенок.

Ксения Черданцева

Почему уходит Здоровье?

Жили в одном солнечном городе два лучших друга, Марк и Матвей. И были эти друзья самые дружные на свете. Самые быстрые во дворе, и считались одними из самых лучших игроков в дворовый футбол, волейбол и казаки-разбойники, и еще много-много всяких игр. А секрет их ловкости, быстроты и смелости был в том, что рядом с ними всегда было крепкое Здоровье. Каждый день лучи солнышка, теплый ветер, свежий воздух, крепкий богатырский сон (ну, сами понимаете, после целого дня беготни на улице), отменный аппетит помогали накапливать и укреплять Здоровье наших неразлучных друзей! Но однажды случилась с ребятами беда...

Одним замечательным днем Марк выбежал на улицу, огляделся и не увидел своего закадычного друга. Удивился и решил сходить к нему в гости, узнать, почему его нет во дворе. А в это время Матвей, что бы вы думали? Он играл в футбол!!!! Да-да, именно в футбол, но только в виртуальный. В своей комнате, с закрытыми шторами, он сидел у компьютера уже пятый час.

– Эй, дружище! Ты чего это тут, сидишь, день на дворе, наша команда без тебя просто пропадает! – бодрым голосом закричал почти в самое ухо своему другу Марк.

– Не мешай! У меня опасный момент...ээээх, гоооооол!!!! Ты посмотри, это просто бомба!!! Можно играть, кем тебе захочется, и никаких синяков, мяч никогда не попадет в окно тете Зине!!! – Матвей был просто счастлив, крепко сжимая в руке джойстик.

– Да ладно тебе! Пошли скорее, ребята нас ждут!!! Ну, Матвей, чего сидеть дома, на улице погода просто класс!!! Давай-давай, одевайся уже!!!

Нехотя Матвей оставил свою игру, оделся и поплелся за Марком. И весь день он был просто сам не свой, был не внимательный, не пытался быть самым быстрым. И поскорее

убежал домой. На следующий день история повторилась, и на третий, и на четвертый... Не видел своего друга Марк уже целую неделю. А в это время Матвей в очередной раз уселся за компьютер....И вдруг кто-то стал щекотать его за нос, потом за пятку, потом пощекотал по спине. Мальчик оглянулся, но никого не увидел, сел на место и снова принялся за игру, но кто-то опять стал отвлекать его... Наш игрок не на шутку разозлился.

– Кто здесь? Чего мне мешаете?

– Привет, это я! Я твое Здоровье! – услышался слабый голосок из под стола.

Матвей наклонился и увидел маленького серенького человечка.

– Что-то ты, здоровье, какое-то не здоровое! А ты точно мое???

– Да, Матвей, твое-твое...

– Апчихи, апчихи!!! Ну, вот зачихал еще..., и голова что-то болит...

– Ухожу я от тебя, Матвей...., не ценишь ты меня..., не поддерживаешь...

– Ой, велика потеря!! Уходи! Что мне от тебя толку, Здоровье называется, хиленькое какое-то! Я смелый, ловкий, быстрый, самый лучший игрок!!! А ты, наверное, от бабы Зины сбежало)))

Грустными глазами посмотрело Здоровье в спину мальчику, вздохнуло и пошло... Вышло Здоровье на улицу, улыбнулось солнышку и вмиг стало переливаться всеми цветами радуги и запрыгало, как самый лучший мячик! А вот Матвею стало совсем невесело... С каждым днем, который он просиживал дома, ему становилось все хуже и хуже... Бедные родители мальчика вызывали самых знаменитых профессоров, чтобы они помогли их любимому сыну вернуть былое Здоровье, но лекари разводили руками и никак не могли найти причину, почему мальчик стал таким слабым и нездоровым.

Марк все это время грустил без своего друга. Но улица манила его своими новыми открытиями, играми, и уж ему

точно не хотелось целыми днями просиживать у монитора. И он твердо решил, во что бы то ни стало он пойдет и вытащит своего друга на улицу! Твердой походкой он подошел к дому Матвея и вдруг заметил, что в кустах что-то сверкает. Он заглянул туда и удивился, в кустах сидел человечек и переливался всеми цветами радуги.

– Ты кто?

– Привет! Ты, наверное, Марк? А я – Здоровье твоего друга.

– А почему ты здесь? А, наверное, Матвей уже на улице?

– Нет, он дома и постоянно болеет... Мне пришлось уйти от него... Он перестал бегать, прыгать и хорошо спать... Я так давно не видело солнышка...

– Надо что-то делать, пошли скорее к нему!!! Я тебе обещаю, что с этого дня он забудет про свой компьютер, и мы опять будем проводить время вместе!

– Я даже не знаю... Я уже тут присмотрело себе новый дом...

– Ну, пожалуйста, ведь Здоровье – это самое важное, что есть у нас! Без тебя мы с ними никогда не станем самыми лучшими спортсменами! Ну, соглашайся!!!

Когда Марк зашел в комнату к своему другу, Матвей сидел и чихал...

– Смотри, что у меня для тебя есть, дружище!

– Привет, Матвей! Твой друг уговорил меня вернуться к тебе, но только с одним условием...

– Я согласен! Я согласен на все условия! – сказал слабым голосом Матвей – Прости меня, Здоровье! Я обещаю, что никогда не буду сидеть дома целыми днями! Я буду опять делать зарядку, бегать, прыгать, крепко спать и съедать все, что приготовит мне мама!!!

– Вот это уже совсем другое дело!!!!

Ребята взялись за руки и побежали на улицу! Солнышко щекотало и грело их, теплый ветер играл с их волосами. А рядом с ними вприпрыжку бежало Здоровье!!!

И что же вы думаете? Через несколько лет друзья стали самыми лучшими футболистами! Они изо дня в день под-

держивали свое Здоровье! А взамен Здоровье всегда давало друзьям силы, выносливость, помогало быстро бегать и побеждать в футбольных матчах!

Дорогие ребята, помните, самые лучшие друзья для вас и вашего Здоровья – это Солнышко, Свежий воздух, Витамины, крепкий сон, полезная еда и, конечно, верные друзья!

Сказка про царицу-мастерицу

В некотором царстве, в волшебном государстве, жила царица-мастерица. И было у нее три дочери, и каждая из дочерей могла творить чудеса. Старшая – Машенька обладала голосом такой неземной красоты, что даже соловьи прилетали послушать ее. И сестрицы ее были одарены волшебными умениями. Евгения среди людей слыла самой доброй и чуткой девочкой. Очень любила животных и понимала их речь. Елена примечала все, что вокруг нее происходило, и каждую травинку, каждый кустик по имени звала и смогла сварить любое снадобье. Жили девицы с матушкой, очень дружно и весело!!! Ходили в лес за грибами-ягодами, плели веночки и пели задорные песни.

И вот однажды матушка-царица пошла в лес одна, дав своим дочерям наказ, чтобы они побыли дома и приготовили обед. Ничего не предвещало беды, ведь каждый житель царства-государства, каждый зверь и птица любили царицу и ее дочерей. Шла она тропкой знакомой и вдруг увидела, что есть еще одна тропиночка. Неприметная такая, и так ей стало любопытно, что свернула она на нее, совсем не боясь ничего. И на тропке этой увидела царица цветы красы неземной, и так они яркими красками сияли и аромат-дурман источали, что забыла царица, куда шла и как воротиться ей домой. Обернулась она и видит лишь лес глухой и неприветливый, и темнота уже спускается... Закручинилась она, запечалилась... Как же воротиться ей? Как же дочери ее без матушки? Так и заснула она...

А в это время в тереме резном дочери места себе не находили. Все дела переделали, а матушка никак не воротится.

И говорит Машенька сестрице своей Евгении: «Поди, моя сестрица родная, поговори со зверем лесным, где наша матушка!» Согласилась Евгения, но ответила старшей сестрице: «Хорошо, но давайте вместе в лес пойдём, уже сумерки, и мне боязно одной!» И вот собрались наши сестрицы в лес. Но как только зашли они в лес, говорит Елена: «Ой, сестры мои, что-то неладное с лесом творится. Гляньте, березонька моя совсем веточки свои опустила». И подошла она тогда к березке, прислонилась к ней, погладила, с каждым листочком поздоровалась и говорит: «Беда случилась с матушкой нашей. Злой Леший ее в логово свое заманил...» Пригорюнились девицы, стали думать, как же матушке помочь. Пошли они в лес дальше, но ни птички им не встретилось, ни зверя лесного-приветливого. «Верно, что-то не так с лесом нашим, – сказала Евгения. – Машенька, запой скорее свою песенку, глядишь, и соловушки прилетят, а я уж там и расспрошу у них, куда злодей нашу матушку заманил!» И запела Машенька голосом своим чудным, и полилась песня ее звонким ручейком, переливаясь колокольчиками нежными. Но ни один соловушка не прилетел, как бы не заливалась руладами Машенька. И только маленький воробушек робко выскочил из кусточка. Наклонилась тогда к нему Евгения и говорит: «Милая птичка-невеличка, поведай нам, что случилось! Куда все звери попрятались, и соловушки почему молчат?» Встрепенулась птичка-невеличка и отвечает робко: «Ой, девицы, беда пришла, злой Леший зверя лютого позвал. И околдовали они всех, закаменели все лесные жители! Я чудом схоронился!»; «А матушку ты нашу не встречал?»; «Видел я царицу-мастерицу нашу, её обманом леший заманил, околдовал и посадил к себе в подземелье!»; «Подскажи, нам милый друг, как найти логово его?»; «Ой, не могу сказать, знаю, что есть тропинка тайная, по ней и можно до него добраться. Но только боязно мне...»

Наклонилась тогда Елена к земле-матушке, правым ухом к ней прильнула. И травиночки она свои приметила, поклонилась им, приголубила. И тут увидели сестрицы тропочку потайную. И смело шагнули по ней. И тут же увидели те

цветы небывалые и уже почти одурманились. Но Елена цветам поклонилась, теплым взглядом их заметила, и стали цветы ромашками и незабудками. И все чары волшебные тут же развеялись. Пошли девицы дальше, и видят они, что все лесные звери стоят окаменелые. «Ой, вы, бедные мои зверушки! Как же помочь вам?» – подошла к ним Евгения, погладила каждого зверя, и слезы из глаз ее голубых покапали. И попала слезинка на ежика, и рассеялись тут же чары колдовские. А Евгения не замечает этого, так печаль ее захватила, что уже умывается она слезами горькими. И каждая слезинка ее чары злые с лесных зверей снимает. Не заметила она, как всех она оживила. И подошел к ней мишка бурый, положил свою лапу ей на плечо и говорит: «Не плачь, красна-девица! Оглянись, все лесные жители ожили! Спасибо, тебе!» Огляделась Евгения и рассмеялась: «Дорогие мои, помогите нам матушку вызволить!» Говорит ей медведь: «Не можем мы с вами пойти, Леший как только взглянет на нас, мы опять в камень превратимся... Надо вам одним отправляться». И тут говорит маленький ежик: «Я слышал, что Леший засыпает сном смертным, как только песни слышит соловьиные... И лютый зверь его тоже глаза закрывает...» Поклонились лесным жителям девицы и пошли в глушь лесную... Ночь уже совсем на лес опустилась, но нет страха в девичьих сердцах никакого! И вот видят они берлогу огромную, всю ветвями сосновыми выложенную, вот оно логово Лешего! Тут как выскочит лютый зверь, огромный и страшный, зарычит рыком звериным. Лишь на миг испугались сестрицы... Но запела тут Машенька песню свою, зазвучал ее голос руладю, прилетели соловушки, подхватили ее песню волшебную! И упал, словно мертвый, зверь лютый, сраженный красотой песни девичьей! Побежали сестрицы в логово, там и Леший лежит и похрапывает... А в углу темном, на соломенном полу, лежит царица-мастерица, ни жива ни мертва. Так дурман-трава ее окутала, что проснуться она не могла совсем. Побежала тогда Елена из логова, наклонилась опять к земле-матушке, приголубила травинки и кустики. Набрала букетик диковинный и сварил

ла отвар своей матушке. Пригубила царица отвар. И открыла очи свои, и увидела своих дочерей, и поднялась она на ноги. Обняла своих доченок и расплакалась от счастья, что такая семья крепкая и любовью сплетенная, и что нет преград для них никаких, даже злые чары колдовские рассыпались, не смогли бороться с любовью!

Подошла царица к Лешему, что спал сном непробудным, и погладила его по голове. Открыл глаза злодей лесной, и сказала она ему тихо: «Пусть любовь придет в твое сердце, пусть глаза твои светом засияют...» Подошла затем к зверю лютому и его она погладила, без страха совсем, и ему слова добрые прошептала. Вдруг на небе луна засияла, и тропинка появилась знакомая. И пошли сестрицы домой вместе с матушкой.

Много дней прошло с того случая! Леший злобный в добряка превратился, лечит он теперь в своем логове лесных жителей. А зверь лютый охраняет его и помогает ему.

Сестрицы все поют и танцуют, радуют всех вокруг красотой своей и добротой. И царица-мастерица дочерьми любуется и счастьем своему не нарадуется!!!

Содержание

ПРОЗА

Антон Комаров	
Три капли.....	3
Артем Тихомиров	
Уран Земной.....	7
Кирилл Русов	
Tyumen-paradise	18
Ирина Сиволобова	
Вирджиния.....	28
Ярослав Мальцев	
Сборник малой прозы	32
Окошко.....	32
Про лису Ташку и волчонка Пуха.....	38
Марк Куликов	
Старик.....	45
Михаил Булатов	
Другие	48

ПОЭЗИЯ

Роман Поплавский	60
Инна Ерофеева	65
Катя Рубан	70
Симон Абрикосов	76

Екатерина Фархуллина	82
Полина Афонина	82
Наталья Гончарова	84
Наталья Заречная	86
Даниил Устименко	87
Алена Рафинад	87
Антон Комаров	89

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Наташа Корсак

Сто лет для Доро.....	91
-----------------------	----

Светлана Радаева

Летающий Чайник.....	105
----------------------	-----

Зуля Стадник

Клюша, Шпунчик и Керосин Бензинович, или Детский сад на колесиках.....	113
---	-----

Алина Валге

Один день игривой осени.....	124
------------------------------	-----

Маргарита Иванцова

Одуванчик.....	129
----------------	-----

Короткова Ирина

Подарок Лисёнка	130
-----------------------	-----

Ксения Черданцева

Почему уходит Здоровье?.....	135
------------------------------	-----

ЛЁГКОЕ ПЕРО – 2017

**сборник лучших произведений
молодых авторов**

Корректор МАУК «ЦГБС» – Долгалева И.М.
Обложка – ведущий художник-дизайнер
МАУК «ЦГБС» Парфенова Е.Ю.

Верстка, дизайн-макет – Кортев Г.К.
Корректор – Лунина И.А.

Подписано в печать 18.12.2017
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 141,82
Гарнитура Helios
Тираж 300 экз. Заказ № 2161/17

ОАО «Тюменский дом печати»
625002, Россия, г. Тюмень, ул. Осипенко, 81,
тел. (3452) 56-56-50

НОВАЯ ЦЕНА
20 руб. 00 коп.

Тюменская Областная Дума

Департамент культуры Администрации города Тюмени
Муниципальное автономное учреждение культуры города Тюмени
«Централизованная городская библиотечная система»

Региональное отделение Союза писателей России

Тюмень, 2017 год